

**ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,
ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ**

По благословенію отца моего, старца Елиѳанія, писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума, и аще речено просто, и вы, Господа, ради, чтущіи и слышанціи, не позазрите просторѣчію нашему; понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ Богъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хочетъ. И Павелъ пишетъ: аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ, — ничто же есмь. Вотъ что много разсуждать: ни латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ни же инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, но любви с прочими добродѣтелями хочетъ; того ради я и не брегу о краснорѣчіи, и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня грѣшнаго, а васъ всѣхъ рабовъ Христовыхъ Богъ проститъ и благословитъ. Аминь. *(Третья редакція)*

Крестъ всѣмъ воскресеніе.

Крестъ падшимъ исправленіе, страстемъ умеразвленіе и
плоти пригвожденіе.

Крестъ душамъ слава и свѣтъ вѣчный. Аминь.

*Аввакумъ протопопъ понуженъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ, — понежъ отецъ ему духовной инокъ, — да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе; и сего ради понуженъ бысть отцемъ духовнымъ на славу Христу Богу нашему. Аминь. *)*

Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего міра! поспеши и направи сердце мое начати с разумомъ и кончати дѣлы благими, яже нынѣ хочу глаголати азъ недостойный; разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже от Тебя помощи прося: управи умъ мой и утверди сердце мое приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судище десныхъ Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными Твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ от сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопагита о Божественныхъ именахъ, что есть Богу присносущныя имена истинныя, еже есть близостныя, и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущіе: Сый, Свѣтъ, Истина, Животь; только четыре свойственныхъ, а виновныхъ много; сія суть: Господь, Вездержитель, Непостижимъ, Непрístupенъ, Трисіаненъ, Тріапостасенъ, Царь славы, Непостояненъ, Огнь, Духъ, Богъ, и прочая потому разумѣвай.

**) Многострадальный юзникъ темничной, горемыка, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ, священнопротопопъ Аввакумъ понуженъ бысть житіе свое написати отцемъ его духовнымъ, инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе. Аминь.*

Поученіе преподобнаго отца нашего аввы Дорофея о любви. Потщитесь соединитися другъ другу: елико бо соединяется кто искреннему, толико соединяется Богови, и реку вамъ прикладъ от отецъ, да познаете силу слова.

Положи ми кругъ быти на земли, яко же начертаніе нѣкое обло, от прехожденія остна, глаголетъ жеся свойственнѣ остенъ, еже посреднее круга, даже до остна; положите убо умъ вашъ во глаголемое; сей кругъ разумѣйте ми быти міръ; самое же, еже посредѣ круга, — Бога; стезя же, яже от круга идущая и до среды путія, сирѣчь житія человѣческая, поелику убо входятъ святїи к средѣ, желающе приближитися Богу, по равенству входа близъ бывають и Бога, и другъ другу, и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такожде разумѣйте и отлученіе: егда бо оста-

Того-жь Діонисія о истиннѣ: себе бо отверженіе истинны испаденіе есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испаденіе сущаго отверженіе есть; от сущаго же Богъ испасти не можетъ, и еже не быти нѣсть.

Мы же речемъ: потеряли поволюбцы существо Божіе испаденіемъ от истиннаго Господа, Святаго и животворящаго Духа. По Діонисію: коли ужъ истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же от существа Своего испасти не можетъ, и еже не быти, нѣсть того въ Немъ: присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ в Символѣ вѣры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отѣкати, в немъ же существо Божіе содержится. Мы же, правовѣрнии, обоимъ имена исповѣдаемъ: и в Духа Святаго, Господа, истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ, со Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за Него же стражемъ и умираемъ, помощію Его Владычнюю. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ, въ книгѣ ево сице пишеть: сей убо есть воистинну истинный христіанинъ, зане истинною разумѣвъ Христа, и тѣмъ богоразуміе стяжавъ, изступивъ убо себе, не сый в мірскомъ ихъ нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвящися и изменена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдѣствующе истинны ради, но и невѣденіемъ спончевающися всегда, разумомъ же живуще, и христіане суть свидѣтельствуемы. Сей Діонисій наученъ вѣре Христовѣ от Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде, даже не приити в вѣру Христову, хитрость имый ищитати бѣги небесныя; егда-жь вѣрова Христови, вся сія вмѣшихъ быти, яко умсты. Къ Титофею пишеть в книге своей, сице глаголя: дитя, али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядъ ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба?

вять себе от Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть, яко елико исходятъ и удаляются себе от Бога, толико удаляются другъ от друга, и елико удаляются другъ от друга, толико удаляются и от Бога; се таково есть естество любви, посліку убо есмь внѣ и не любимъ Богомъ, потоліку пмамы отстояніе каждо ко искреннему. Аще ли же возлюбимъ Бога, елико приближаемся къ Богу любовью, яже къ Нему, толико соединѣваемся любовью къ ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединѣваемся Богу. Богъ да сподобитъ насъ послушати полезная намъ и творити я, а не гнѣватися другъ на друга, ниже яратися.

Богъ любви есть, и пребывая в любви в Бозѣ пребываетъ, и Богъ в немъ пребываетъ. Апостоль рече: сообщаясь Богу прилѣжить и о братѣ; ненавиждя брата чуждъ Бога и жилище бѣсомъ. Богъ вселяется в любовнова чловѣка чюствомъ небеснымъ, и таковое тѣло домъ Божій бывасть. По святому Ефрему: а идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангель служатъ Владыни; живемъ, братія, угодно Богу, да со ангелы Христосъ Богъ в насъ обитасть.

азъ проидохъ дѣломъ, и ничто-жь обрѣтохъ, но токмо тщету. Чтый да разумѣть. Ищитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ; и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лести, воеже вѣровати имъ лжи, да судъ примуть не вѣровавши истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ (Чти Апостолѣ, 275).

Сей Діонисій, еще не пріидохъ в вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ в солнечнемъ граде, и видѣвъ: солнце во тму преложися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотію стражеть»; понеже не по обычаю тварь видѣ изменену: и сего ради бысть в недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечнемъ знаменіи, когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуется луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко-жь и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знаменіе творя или во гнѣвъ, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ под солнце от запада и закроетъ свѣтъ солщечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ Божій к людямъ бываетъ. Егда-жь бываетъ от востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ селнце.

А в нашей Росіи бысть затменіе: солнце затмилось въ 162 году, пред моромъ за мѣсяць или менши. Плыль Волгою рекою архіепископъ Симеонъ сибирской, и в полудне тма бысть перед Петровымъ днемъ педѣли за двѣ; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Діонисію, являя Богъ гнѣвъ Свой к людямъ: в то время Никонъ отступникъ вѣру казиль и законы церковныя, и сего ради Богъ изліялъ фіаль гнѣва ярости Своея на Рускую землю; зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси пом-

Аще криво живу, исправте мя; аще по воли Божіи, благодать Богу о несповѣданіемъ Его дарѣ. Вотъ вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ. (1675-1676) Авва Дорофей описаль же свое житіе ученикамъ своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поученіе 4, листъ 49; и я такожде, убѣждаю вашу любовь о Христѣ Исусѣ Господѣ напишемъ, сказываю вамъ дѣмая мною, непотребнымъ рабомъ Божіимъ о святѣмъ Душѣ со Отцемъ и Сыномъ. Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ тебѣ, чадо мое возлюбленное, книга живота вѣчнаго; поминай мя в молитвахъ своихъ и старца не забывай Елифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогаль; надъ вѣсмъ же симъ, благословить тя Господь и Марію твою Пименовну, и чадъ вашихъ, и снохъ, и внучатокъ, и сродниковъ, и знаемыхъ, и други, и другія, и вся васъ любящія; еще еже да будетъ всякъ, благословляяй тя,

нямъ. Потомъ, минувъ годовъ с четырнатцеть, вдругорядъ солнцу затменіе было; в Петровъ постъ, въ пятокъ, в часъ шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекла от запада же, гнѣвъ Божій явля: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угрѣше в темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣсть, что дѣлается въ земли нашей за нестроение церковное. Говорить о томъ полно; въ день вѣка познано будетъ всѣми; потернимъ до тѣхъ мѣсть.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Исусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Исусъ секій иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдняхъ, ста Исусъ крестообразно, сирѣчь разпростре рuce свои, и ста солнечное теченіе, донеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назадъ отбѣжало, и паке потече, и бысть во дни томъ и въ ноци тридесеть четырь часа, понеже въ десятый часъ отбѣжало, такъ в суткахъ десять часовъ прибыло. И при Езекил царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспять во вторыинадесеть часъ дня, и бысть во дни и в ноци тридесять шесть часовъ. Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ, росписуеъ, вознѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы. Престоли, херувими и серафими освященіе от Бога приѣмлютъ и сице восклицаютъ: благословенна слава от мѣста Господня! И чрезъ ихъ преходить освященіе на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сія троица, словослова Бога, восмилчаютъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія! По алфавиту, а ль Отцу, и ль Сыну, у іа Духу Святому. Григорій Нискій толкуеъ: аллилуія — рѣчь, хвала Богу; а Василій Великій пишетъ: аллилуія — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: слава Тебѣ, Боже! До Василія пояху во церкви ангельскіи рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же

благословенъ, и проклинаяй ти — проклять; и да подасть ти Господь от влаги земныя и отъ росы небесныя свыше, и множа да умножить в дому твоємъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая от лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и с остатками; дай вамъ, Господи, и хлѣба, и мяса, и рыбы; от женъ да ядятъ сія хлѣбы священныя. Видждь, архіерей сестру чистоту и еросу назнаменована, и ясти брашно священническо повелѣ по пуждѣ алчущимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря, яко поль. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ ходящимъ спастися, нужно намъ таинство то получить истинное, а прочія тайны мощно и простолоудину совершить. Есть и писано: не всѣхъ рукополагаетъ Духъ Святой, но всѣми дѣйствуетъ о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (Третья редакция).

бмьсть Василій, и повелѣи пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью, чюдотѣческую, сице: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія; трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырехъ, по римской бляди; мерско Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклять сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангелы, ангелы, чрезъ среднюю троицу освященіе приѣмая, поють: святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполни небо и земля славы Его! Зри: тричислено и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именемъ Василію. Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудръствующихъ досада велика, — поримски Святую Троицу в четверицу глаголють, Духу и от Сына исхожденіе являютъ; зло я проклято се мудрованіе Богомъ и святыми. Правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго, о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Аванасій великій рече: иже хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра жъ кафолическая сія есть, да единого Бога в Троицѣ и Троицу во единѣце почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо; инъ бо есть составъ Отецъ, инъ — Сыновець, инъ — Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприснощно величество; якоже Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святыи; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святыи; не созданъ Отецъ, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святыи; Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ и Духъ Святыи не три бози, но единъ Богъ; не три несозданія, но единъ несозданныи, единъ вѣчный. Подобно: вседержитель Отецъ, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святыи. Равно: непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святыи. Обаже не три вседержители, но единъ вседержитель; не три непостижимія, но единъ непостижимый, единъ пресущный. И в сей святѣй Троице ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мѣне, но целы три составы и соприснощны суть себѣ равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе: обще же имъ Божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣченіи Бога Слова к вашему спасенію). За благодать щедротъ излія Себе от Отческихъ

нѣдръ Сынъ-Слово Божіе в Дѣву чисту Богоотроковину, егда время наставало, воплотился от Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчився, насъ ради пострадалъ, и воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величествія на высокихъ и хоцеть пакы пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотреніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совѣтъ Отець). Рече Отець Сынови: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И паке рече: о, единородный Мой! о, свѣте Мой! о, Сыне и Слово! о, сіяніе славы Моєя! аще промышляеши созданиємъ Своимъ, подобаеъ Ти облещися въ тлимаго челоуѣка, подобаеъ Ти по земли ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити. И отвѣща другій: буди, Отче, воля Твоя! И по семъ создася Адамъ. Аще хоцеши пространно разумѣти, чти Маргаритъ: Слово о вочеловѣченіи; тамо обряцеши. Азъ кратко помянуль, смотреніе показуя, Сице всякъ вѣруай в Оль не постыдится, а не вѣруай осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Аванасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдаю, с симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое в Нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудимую рекою, в селѣ Григоровѣ. Отець ми бысть священникъ Петръ, мати — Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учае мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и той ноци, возставше, предъ образомъ плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и с тѣхъ мѣсть обыкохъ по вся ноци молится. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и от своихъ соплеменникъ во изгнаши быхомъ. Изволила мати меня женить. Азъ же Пресвятѣй Богородице молихся, да дасть ми жену помощницу ко спасенію. И в томъ же селѣ девица, сиротина-жъ, безпрестанно обыкла ходитъ во церковь, — имя ей Анастасія. Отець ея былъ кузнецъ, именовъ Марко, богатъ гораздо; а егда умре, послѣ его вся истопилось. Она же в скудости живяше и жолящеса Богу, да же сочетается за меня совоукленіємъ брачнымъ; и бысть, по воли Божіи, тако. Посемъ мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Азъ же от изгнаши преселихся во ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадесяти лѣтъ

з годоми, и по дву лѣтехъ в пошы поставленъ; живый в попѣхъ осми лѣтъ, и потомъ совершенъ в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лѣтъ минуло; и всего тридесять лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попахъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много, — по се время сотъ с пять или с шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа во церквахъ, и в домѣхъ и на распутяхъ, по градомъ и селамъ, еще же и в царствующемъ градѣ, и в странѣ Сибирьской проповѣдуя и уча слову Божию, — годовъ будетъ тому с полтретьяцеть.

Егда еще былъ в попѣхъ, приидѣ ко миѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхми обремененна, блудному дѣлу и малакии всякой повинна; нача миѣ, плакавшея, подробну возвѣщати во церкви предъ Евангеліемъ стоя. Азъ же, треокаянный врачъ, самъ разболѣлся, внутрь жгоми огнемъ блуднымъ, и горко миѣ бысть в той часъ: зажегъ три свѣщи и прилепилъ к налою, и возложилъ руку правую на пламя, и держалъ донече во миѣ угасло злое разженіе, и, отпустя дѣвицу, сложя ризы, помоляся, пошелъ в домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ во свою избу, плакався предъ образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучитъ мя Богъ от детей духовныхъ: помеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падохъ на землю на лица своемъ, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вѣмъ, какъ плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плвугъ стройно два корабля златы, и весла на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормицику на нихъ сидѣльцовъ. И я спросилъ: «чье корабля?» И онѣ отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентіевъ». Сія быша ми духовныя дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія, и скончались богоугодне. А се потомъ вижу третей корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же умъ человекъ не вмести красоты его и доброты; юноша свѣтель, на кормѣ сидя, править; бежитъ ко миѣ из-за Волги, яко пожрати мя хочеть. И я вскричалъ: «чей корабль? — И сидяй на немъ отвѣщаль: «твой корабль! на, плавай на немъ з женою и детми, коли докучаешь!» И я вострепетахъ, и сѣдше разсуждаю: что се видимое? и что будетъ плаваніе?

А се по мале времени, по писанному, обѣяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя: скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочь, и азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ к мате-

ри: и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежа мертвъ полчаса и болши, и паки оживе Божіимъ мановеніемъ. И онъ, утрапаса, отступился мнѣ дѣвницы. Потомъ научилъ ево дьяволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ в ризахъ, а я молитву говорю в то время.

Таже инъ начальникъ, во ино время, на мя развирепѣлъ, — прибѣжалъ ко мнѣ в домъ, бивъ меня, и у руки огрызъ шерсты, яко несть, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустилъ из зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ в домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ к вечернѣ. И егда шель путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки со двема малыми пицальми и, близъ меня бывъ, запалилъ несть пистоли, и, Божією волею, на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пицаль не стрелила. Онъ же, бросилъ ея на землю, и из другія паки запалилъ такъ же, и Божія воля учинила такъ же, — и та пицаль не стрелила. Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, одною рукою осенилъ ево и поклонился ему. Онъ меня лаеетъ; а я ему рекаъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родионовичъ, да будетъ!»*) Посемъ дворъ у меня отнялъ, а меня выбилъ, всего ограба, и на дорогу хлѣба не далъ.

В то же время родился сынъ мой Прокопей, который сидитъ с матерью в землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Богъ наставитъ, и на пути крестили, яко же Филиппъ каженика древле. Егда жъ азъ прибрелъ к Москвѣ, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мнѣ царю извѣстиша, и государь меня почаль с тѣхъ мѣстъ знати. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащилъся: ано и стѣны разорены монхъ храмннѣ. И я паки позавелся; а дьяволъ и паки воздвигъ на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами: и я, грѣшникъ, по Христъ ревнуя, изгналъ ихъ, и ухари и бубны изломалъ на поле едишъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, — одново ушибъ, и паки ожилъ, а другова отпустилъ в поле. И за сіе меня Василей Петровичъ Шереметевъ, плувчи Волгою в Казань на воеводство, взявъ на судно, и браця много, велѣлъ благословить сына своего Матфея брито-братца. Азъ же не благословилъ, но от Писанія ево и порицалъ, видя

*) Сердитоваль на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; такъ ему было досадно.

блудолюбный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ со мною прощались; а брату моему меньшому боярню Васильева и дочь духовная была. Такъ-то Богъ строить своя люди!

На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпель: прїехавъ с людьми ко двору моему, стрелялъ из луковъ и ис пищалей с приступомъ. А азъ в то время, запершися, молился с воплемъ ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же вѣси судьбами!» И побѣжалъ от двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже в ночь ту прибѣжали от него и зовуть меня со многими слезами: «батьюшко государь! Евѡимей Стефановичъ при кончинѣ, и кричить неудобно, бьеть себя и охаетъ, а самъ говоритъ: дайте мнѣ батка Аввакума! за него Богъ меня наказуетъ!» И я чаюль, меня обманываютъ; ужасеся духъ мой во мнѣ. А се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытія в бытіе мя устроилъ! Аще меня задущать, и Ты причти мя с Филипомъ и митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти меня з Захаріею пророкомъ; а буде в воду посаждать, и Ты, яко Стефана пермьскаго, свободишь мя!» И моляся, поехалъ в домъ к нему Евѡимію. Егда-жъ привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорить: «поди-тко, государь нашъ батьюшко, поди-тко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «чюдно! давеча былъ блядинъ сынъ, а топерва: батьюшко! Болшо у Христа-тово остра шеленуга-та: скоро повинилъся мужъ твой!» Ввела меня в горницу. Вскочилъ с перины Евѡимей, палъ предъ погама мояма, вопить неизреченно: «прости, государь, согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою!» А самъ дрожить весь. И я ему сопротиво: «хощени ли впрעדъ цель быти?» Онъ же, лежа, отвѣща: «ей, честный отче!» И я рекъ: «востани! Богъ простить тя!» Онъ же, наказанъ гораздо, не могъ самъ востати. И я поднялъ, и положилъ ево на постелю, и исповѣдалъ, и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христось изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно в домъ мой, и з женою быша ми дѣти духовныя, изрядныя раби Христовы. Такъ-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Помале пакы инія изгнаша мя от мѣста того вдругорядъ. Азъ же сволокся к Москвѣ и, Божіею волею, государь меня велѣлъ в протопопы поставити въ Юрьевецъ-Повольской. И тутъ пожилъ немного, — только осемъ недѣль: дьяволь научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ, —

пришли к патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытща меня изъ приказа собраніемъ, — чловѣкъ с тысящу и с полторы ихъ было, — среди улицы били батожемъ и топтали; и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертва убили и бросили под избной уголь. Воевода с пушкарями прибѣжали, и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ от блудни, вопять: «убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ в ровъ кинемъ!» Азъ же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дѣти, по Волге самъ-третей ушелъ к Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, — ано и тутъ протопопа-жъ Данила изгнали. Охъ, горе! вездѣ от дьявола житья нѣтъ! Прибрелъ к Москвѣ, духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на што-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе! Царь пришелъ к духовнику благословитца ночью; меня увидель тутъ; опять кручина: на што-де городъ покинулъ? — А жена и дѣти и домочадцы, чловѣкъ з дватцетъ, в Юрьевце остались: невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты! Тутъ паки горе.

Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита. А прежде его пріезду Стефанъ духовникъ моля Бога и постясь седмицу з братьею, — и я с ними тутъ же, — о патриархѣ, да же дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ, и с митрополитомъ казанскимъ Корнеліемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ — о духовнике Стефанѣ, чтобъ ему быть в патриархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ, и пишетъ к нему посланіе навстрѣчу: Преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолудцкому и всеа Русіи радоватися, и прочая. Егда-жъ пріехалъ, с нами, яко лисъ: челомя да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему в патриархахъ, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ возняхъ говорить! Егда поставили патриархомъ, такъ друзей не сталъ и в крестовую пускать! А се и ядъ отрыгнуть. В постъ великой прислалъ память к Казаньской и Неронову Иванну. А мнѣ отецъ духовной былъ; я у него все и жить в церквѣ: егда куды отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту, говорили, на дворець к Спасу, на Силино покойника мѣсто; да Богъ не извоилъ. А се и у меня радѣніе худо было. Любо мнѣ, у Казаньскіе тое держался, чель народу книги. Много людей приходило. — В памяти Никонъ пишетъ: Годъ и число. По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ во церкви метанія творити на колѣну, но в

поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и трема персты бы есте вкрестились. — Мы же задумались, сошедшея между собою: видимъ, яко зима хочетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь; а самъ единъ скрылся в Чюдовъ, — седмицу и полатке молился. И тамъ ему от образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати! Онъ же мнѣ, плачючи, сказалъ; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ жжегъ в новгородскихъ предѣлахъ; потомъ — Данилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братье. Мы же в Даниломъ, написавъ ис книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонехъ, и подали государю; много писано было; онъ же не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ; мнитмися, Никону отдалъ.

Послѣ тово вскорѣ схватавъ Никонъ Данила, в монастырѣ, за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорятку, ругая, отвелъ в Чюдовъ в хлѣбню и, муча много, сослалъ в Астрахань. Венець терновъ на главу ему тамъ возложили, в земляной тюрьмѣ и уморили. Послѣ Данилова стриженія взяли другога, темниковскаго Данила-жъ протопопа, и посадили в монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже протопопа Неронова Иванна — в церквѣ скуфью снялъ и посадилъ в Симанове монастырѣ, опослѣ сослалъ на Вологду, в Спасовъ Каменной монастырѣ, потомъ в Колской острогъ. А напоследокъ, по многому страданіи, изнемогъ бѣдной, — принялъ три перста, да такъ и умеръ. Охъ, горе! всякъ, мняйся, стоя, да блюдется, да ся не падеть! Люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко благъ и человекѣлюбецъ.

Таже меня взяли от всеобщаго Борисъ Нелединской со стрелцами; человекъ со мною с шестьдесятъ взяли: ихъ в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепь посадили ночью. Егда-жъ разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на тѣлегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидѣлъ три дни, ни ель, ни пилъ; во тмѣ сидя, кланялся на чепи, не знаю — на востокъ, не знаю — на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я в третій день прилѣгъчень, — сирѣчь есть захотѣлъ, — и послѣ вечерни ста предо мною невѣмъ — ангель, не вѣмъ — человекъ, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привелъ и посадилъ, и лошку в руки далъ, и хлѣбца

немношко и штець даль похлѣбать, — зѣло прикусны, хороши! — и рекль мнѣ: «полю, довлѣетъ ти ко укрепленію!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человѣкъ; а что жь ангель? ино нѣчему дивитца — вездѣ ему не загорожено. На утро архимарить з братьєю пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился; а я от писанія ево браню и жаю. Сняли болшую чепь, да малую наложили. Отдали черницу под началъ, велѣли волочить в церковь. У церкви за волосы деруть, и под бока толкають, и за чепь трогаютъ, и в глаза плюють. Богъ ихъ проститъ в сій вѣкъ и в будущій: не ихъ дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣль тутъ я четыре недѣли.»)

В то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царѣ, остригъ в обѣдню. — Во время переноса снялъ патріархъ со главы у архидьякона дискось и поставилъ на престоль с тѣломъ Христовымъ; а с чашею архимарить чудовской Ферапонтъ виѣ олтара, при дверехъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла Христова, пуци жидовскаго дѣйства! — Остригше, содрали с него однарятку и кафтанъ. Логинъ же разжегся ревностію Божественнаго огня, Никона порицал, и чрезъ порогъ в оltарь в глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя с себя рубашку, в оltарь в глаза Никону бросилъ; чудно, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискось, бытто воздухъ. А в то время и царица в церквѣ была. На Логина возложили чепь и, таца ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрельцовъ на карауле поставили накрѣпко стоять. Ему-жь Богъ в ту ночь даль шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали; и онъ разсмѣявся, говорить: «знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ!» — и шапку у него отнялъ, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня из монастыря водили пѣшева на патріарховъ дворъ, также руки ростая, и, стязався много со мною, паки также отвели. Также в Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телѣге везли противъ крестовъ. И привезли к соборной церквѣ стричъ, и держали в обѣдню на порого долгю. Государь с мѣста сошелъ и, приступя

*) Тутъ же в церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальной ис Хамовниковъ, пьянства ради, преданъ бѣсомъ, и гораздо бѣсился, томимъ от бѣсовъ. Азь же зжалихся грѣшный об немъ: в обѣдню стоя на чепи, Христа-свѣта и Пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили от бѣсовъ. Господь же ево бѣднова и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоумень сталъ, заплакавъ, и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ, чтобъ про меня не сказаль никому; людіе же не догадалися о семъ, учили звонить и молебень пѣть. (Третья редакция).

к патриарху, упросилъ. Не стригше, отвели в Сибирской приказъ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ стражеть же по Христъ, старецъ Саватей, сидитъ на Новомъ, в земляной же тюрьмѣ. Спаси ево, Господи! и тогда мнѣ дѣлалъ добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и дѣтми. И волико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила: болную в телѣге и повезли до Тобольска; три тысящи верстѣ недѣль с тринадцать волокли телѣгами и водою, и сами половину пути.

Архіепископъ в Тобольске к мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія беды постигоша меня: в полтара годы пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто, архіепископья двора дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съехалъ архіепископъ к Москвѣ, а онъ без нево, дьявольскимъ наученіемъ, напалъ на меня: церкви моя дьяка Антонія мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ во церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався с людьми, во инъ день прииде ко мнѣ в церковь, — а я вечерню пою, — и въскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на крылоѣ за бороду. А я в то время двери церковныя затворилъ и замкнулъ, и никою не пустилъ, — одинъ онъ Струна в церквѣ вертится, что бѣсъ. И я, покиня вечерню, с Антономъ посадилъ ево среди церкви на полу и за церковной мятежъ постегалъ ево ремнемъ нарочито-таки; а прочіи, человекѣ з дватцетъ, вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе от Струны принявъ, паки отпустилъ ево к себѣ. Сродницы же Струнины, попы и черныи, весь возмутили градъ, да како меня погубять. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ѣзбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиимъ страхомъ отгнаши быша и побѣгона вснять. Мучился я с мѣсяць, от нихъ бѣгаючи втай; иноє въ церквѣ начую, иноє к воеводѣ уйду, а иноє в тюрьму просияся, — ино не пустять. *) Провожалъ меня много Матфей Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ в черницахъ, — опослѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ, в соборной церкви з дьякономъ Аеонасьемъ меня стригъ; тогда добръ былъ; а нынѣ дьяволъ ево поглотилъ. Потомъ приехалъ архіепископъ с Москвы и правильною

*) Мучился я, от нихъ бѣгаючи с мѣсяць тайно; иноє в церквѣ начую, иноє уйду к воеводѣ. Книгиня меня в сундукъ послала: «я-де, батюшка, над тобою сяду, какъ де придуть тебя искать к намъ». И воевода от нихъ мятежниковъ боялся, лишь плачетъ, на меня глядя. И уже и в тюрьму просился, — ино не пустять. Таково то время было. (Третья редакція).

виною ево, Струну, на цепь посадилъ за сіе: нѣкій человекъ з дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ, а онъ, Струна, полтину взявъ и, не наказавъ мужика, отпустилъ. И владыка ево сковать приказалъ, и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же, Струна, ушелъ к воеводамъ в приказъ и сказалъ «слово и дѣло государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лучшему, Петру Бекѣтову, за пристава. Увы, погибель на дворъ Петру пришла. Еще же и душе моей горе тутъ есть. Подумавъ архіепископъ со мною, по правиламъ, за вину кровосмѣшенія сталъ Струну проклинать в недѣлю Православія в церквѣ болшой. Той же Бекѣтовъ Петръ, пришедъ в церковь, браня архіепископа и меня, и в той часъ ис церкви пошедь, взбѣсилъся, ко двору своему идучи, и умре горкою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло ево среди улицы собакамъ бросить, да же граждане оплачють согрешеніе его. А сами три дни прилѣжне стужали Божеству, да же в день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, таково себѣ пагубу пріялъ. И по трехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно тово пѣлачевнова дѣла говорить.

Посемъ указъ пришелъ: велено меня ис Тобольска на Лѣну вывести за сіе, что брано от писанія и укоряю ересь Никонову. В таже времена пришла ко мнѣ с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху, а оба умерли в морь и з женами и з дѣтми; и многія друзья и сродники померли. Излилъ Богъ на царство фіялъ гнѣва Своего! Да не узнались горюны однако, — церковью мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю три пагубы за церковной расколь: морь, мечъ, разделеніе; то и збылось во дни наша нынѣ. Но милостивъ Господь: наказавъ, покаянія ради и помилуетъ насъ, прогнавъ болѣзнь душъ нашихъ и телесъ, и тишину подасть. Уповаю и надѣюся на Христа; ожидаю милосердія Его и чаю воскресенія мертвымъ.

Таже сѣлъ опять на корабль свой, еже и показанъ ми, что выше сего рекохъ, — поехалъ на Лѣну. А какъ приехалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велено в Дауры вести — дватцеть тысяць и болши будетъ от Москвы. И отдали меня Аеонасъю Пашкову в полкъ, — людей с нимъ было 600 человекъ; и грѣхъ ради моихъ суровъ человекъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучить, и бьетъ. И я ево много уговаривалъ, да и самъ в руки поцалъ. А с Москвы от Пикона приказано ему мучить меня.

Егда поехали изъ Енисейска, какъ будемъ в большой Тунгуске рекѣ, в воду загрузило бурю дощеникъ мой совѣмъ: налился среди реки полонъ воды, и парусъ изорвало, — одны полубы над водою, а

то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робяжь кое-какъ вытаскала, простоволоса ходя. А я на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божією волею прибило к берегу насъ. Много о томъ говорить! На другомъ дощенике двухъ человекъ сорвало, и утопили в водѣ. Посемъ, оправаяся на берегу, и опять поехали впередъ.

Егда приехали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные к намъ, а с ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ въ 60, а другая и болши: пловать пострижесъ в монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочеть замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаеть таковыхъ замужъ давать». И чемъ бы ему, послушалъ меня, и вдовъ отпустить, а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ, Долгомъ, пороге сталъ меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ! еретикъ-де ты! подп-де по горамя, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменной, яко стена стоитъ, и поглядѣть — заломя голову! В горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе; в нихъ же витають гуси и утицы, — періе красное, — вороны черныя, а гальки сѣрыя; в тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и бречаты, и курята индѣйскіе, и бабы, и лебеди, и иные дикіе, — многое множество, — птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри многіе дикіе: козы и олени, зубри, и лоси, и кабаны, волкъи, бараны дикіе, — во очію нашу; а взять нельзя! На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ, со звѣрми и со зміями, и со птицами витать. И азъ ему малое писанейце написалъ, сице начало: «Человѣче! убойся Бога, сѣдшаго на херувимѣхъ и призирающаго въ безны, Его же трещуць небесыя силы и вся тварь со человекъи, едиль ты презираешъ и неудобство показуешь», — и прочая; тамъ многожько писано; и послалъ к нему. А се бегуть человекъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали к нему, — версты три от него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ; и онъ бѣдныя и едятъ и дрожатъ, а иные глядя плачють на меня, жалѣють по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели перед него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: «ночь ли ты, или росночь?» И азъ отвѣщаль: «азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня?» Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и ударилъ меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збилъ меня с ногъ и чеканъ ухвата, лежачева по спинѣ ударилъ трижды и, разболочши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. А я говорю: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ!» Да то-жь, да то-жь безпрестанно говорю. Такъ горко ему, что

не говорю: «попадай!» Ко всякому удару молитву говорилъ, да осреди побой вскричалъ я ему: «полно бить-тово!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «за что ты меня бьешь? вѣдаешь ли?» И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенной дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги, и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шель, всю ночь подъ капелію лежалъ. Какъ били, такъ не болно было с молитвою тою; а, лежа, на умъ взбрело: «за что Ты, Сыне Божій,пустилъ меня ему таково болно убить тому? Я вѣтъ за вдовы Твои сталъ! Кто дастъ судію между мною и Тобою? Когда воровалъ, и Ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ!» Бытто добрый человекъ! — другой фарисѣй в говенную рожею, — со Владыкою судитца захотѣлъ! Аще Іевъ и говорилъ такъ; да онъ праведенъ, непороченъ, а се и писанія не разумѣлъ, внѣ закона, во странѣ варварстѣй, от твари Бога позналъ. А я первое — грѣшенъ, второе — на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрепляемъ, яко многими скорбями подобаетъ намъ внити во царство небесное, а на такое безуміе пришелъ! Увы мнѣ! Какъ дощеникъ-отъ в воду-ту не погрязъ со мною? Стало у меня в тѣ поры кости-те щемить и жилы-тѣ тянуть, и сердце зашло, да и умирать сталъ. Воды мнѣ в ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покалялся предъ Владыкою, и Господь-свѣтъ милостивъ: не поминаетъ нашихъ беззаконій первыхъ покаянія ради; и опять не стало ништо болѣть.

Наутро кинули меня в лотку и напредъ повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому Падуну, — река о томъ мѣсте ширною с версту, три залавка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами што поплыветь, ино в щены изломаеть, — меня привезли под порогъ. Сверху дождь и снѣгъ; а на мнѣ на плеча накинута кафтанишко просто; льеть вода по брюху и по синиѣ, — нужно было гораздо. Из лотки вытаца, по каменью скована околъ порога тацили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю ужъ на Бога вдругорядъ. На умъ пришли рѣчи, пророкомъ и апостоломъ речены: Сыне, не пренемагай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, от Него обличаемъ. Его же любить Богъ, того наказуетъ; біеть же всякаго сына, его же приємлетъ. Аще наказаніе терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли без наказанія приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте. И сими рѣчами тѣшилъ себя.

Посемъ привезли въ Брацкой острогъ, и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филипова поста в студеной башне; тамъ зима в тѣ поры живеть, да Богъ грѣлъ и без платья! Что собачка в сололке лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я ихъ скуфѣей билъ, — и батюшка не дадутъ дурачки! Все на брюхе лежалъ: спина гнила. Блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости!» да сила Божія возбранила, — велено терпѣть. Перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами и с собаками жилъ скванъ зиму всю. А жена з дѣтми вереть з дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксеня мучила зиму ту всю, — лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ, — невеликъ былъ, — приобрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: начевалъ милой и замерзъ было тутъ. И наутро опять велѣлъ к матери протолкать. Я ево и не видалъ. Приволокъся к матери, — руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось; а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда иная отнята была; а ище и осталось. На Байкалове море паки тонулъ. По Хилке по рекѣ заставилъ меня ляжку тянуть; зѣло нуженъ ходъ ею былъ, — и поестъ было нѣколи, нежели спать. Лѣто целое мучился. Отъ водяныхъ тяготы люди изгибали; и у меня ноги и животъ синь былъ. Два лѣта в водахъ бродили; а зимами чрезъ волоки волочился. На томъ же Хилке в третее тонулъ. Барку от берегу оторвало водою, — людскіе стоять, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ-другъ с кормщикомъ помчало. Вода быстрая, переворачиваетъ барку вверхъ боками и дною; а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице, помози! Упованіе, не утопи!» Иное ноги в водѣ, а иное выползъу наверхъ. Несло с версту и болши; да люди переияли. Все розмыло до крохи! Да што петь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ из воды, смеюсь; а люди-те охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы отласные и тафтяные, и кое какіе бездѣлицы тое много еще было в чемоданахъ да в сумахъ; все с тѣхъ мѣстъ перегибло, — наги стали. А Пашковъ меня же хочеть опять бить: «ты-де над собою дѣлаешь за посмѣхъ!» И я паки свѣту-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Такъ она-надсжа уняла: сталъ по мнѣ тужить.

Потомъ доехали до Ирѣгенья озера: волокъ тутъ, — стали зимою волочиться. Мнѣ работниковъ отнялъ; а инымъ у меня нанятца не велитъ. А дѣти маленьки были; едоковъ много, а работать нѣкому:

одинъ бѣдной горемыка - протопопъ нарту здѣлалъ и зиму всю волочилъся за волокъ. Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣке поплыли на низъ. Четвертое лѣто от Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хормной и городовою. Стало пѣчева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мѣлкая, плоты тяжелые, приставы немилостивныя, палки большіе, батоги суковатыя, кнуты острые, пытки жестокіе, — огонь да встряска, — люди голодные: лишо стануть мучить — ано и умереть! Охъ, времени тому! Не знаю, какъ умъ у него отступилъся. У протопопицы моея однарятка московская была, не згнила, — по русскому рублевъ въ полтъретьяцеть, и больши по тамошнему: далъ намъ четыре мешка ржи за нея, и мы годъ-другой тянулись, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Всѣ люди з голоду поморилъ, никуды не отпускалъ промыслятъ, — осталось небольшое мѣсто; по степямъ скитающеса и по полямъ, траву и кореніе копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятицы Богъ дастъ, и кости находили от волковъ пораженныхъ зверей, — и что волкъ не доестъ, мы то досдимъ. А иные и самыхъ озяблыхъ ели волковъ и лисицъ, и что получить, — всякую скверну. Кобыла жеребенка родить; а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съедятъ. А Пашковъ, свѣдавъ, и кнutomъ до смерти забьетъ. И кобыла умерла, — все изводъ взявъ, понеже не по чину жеребенка тово вытацили из нея: лишо голову появилъ, а онѣ и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Охъ времени тому! И у меня два сына умерли в нуждахъ тѣхъ, а с прочими, скитающеса по горамъ и по острому каменію, наги и боси, травою и кореніемъ перебивающеса, кое какъ мучилъся. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастенъ кобыльимъ и мертвечымъ звѣринымъ и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душе! Кто дастъ главѣ моея воду и источникъ слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубихъ житейскими сладими? Но помогала намъ по Христе боярыня, воеводская сноха, Евдокья Кириловна, да жена ево, Аеонасьева, Фекла Симеоновна: онѣ намъ от смерти голодной тайно давали отраду, без вѣдома ево — иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колдобокъ, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и польнудика накопить и передать, а иногда у куровъ корму не корыта нагребетъ. Дочь моя, бѣдная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смѣхъ! — иногда ребенка погоняет от окна без вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащить. Тогда невелика была; а нынѣ ужъ ей 27 годовъ,

— девицею, бѣдная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваясь кое-какъ, плачючи, живутъ. А мать и братья в землѣ закопаны сидятъ. Да што же дѣлать? пускай горкіе мучатся всё ради Христа! Быть тому такъ за Божією помощію. На томъ положено, ино мучитца вѣры ради Христовы. Любилъ протопопъ со славными знатца: любилъ же и терпѣть, горемыка, до конца. Писано: не начный блаженъ, но скончавый. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской землѣ нужды великіе годовъ с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А онъ, Аѳонасей, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. В той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ от себя двѣ вдовы, — сѣнныя ево любимыя были, — Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ.*) Ворожа и колдунъ много над ними, и видить, яко ничто же успеваеетъ, но паче мольба бываеетъ, — зѣло жестоко ихъ бѣсъ мучить, бьются и кричатъ, — призвалъ меня и поклонился мнѣ, говорить: «пожалуй, возми ихъ ты и попекися об нихъ, Бога моли; послушаеетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщаль: «господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвъ святыхъ Отець нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ. Простите! Во искуствѣ то на Руси бывало, — человекъ три-четыре бѣннанныхъ приведшихъ бывало в дому моемъ и, за молитвъ святыхъ Отець, отхождаху от нихъ бѣсы, дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа, Сына Божія-свѣта. Слезами и водою покроплю, и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя Христово: и сила Божія отгоняше от человекъ бѣсы и здрави бываху, не по достоинству моему, — никакъ же, — но по вѣре приходящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валааме, и при Уліане мученике — рысю, и при Сисиніи — оленемъ; говорили человѣческимъ гласомъ. Богъ идѣже хоцетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не веѣхъ Духъ Святой рукополагаетъ, но веѣми, кромѣ еретика, дѣйствуетъ. Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшанныхъ; я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ есть, молебствовалъ, и масломъ мазалъ, и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы о Христѣ целоумны и здравы стали. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу; любятъ меня и домой не идутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ

*) В той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ двѣ вдовы от себя, — сѣнныя ево любленницы, — Марія да Софія, одержимы духомъ нечистымъ. (Вторая редакція).

учинился дочери духовные, осердился на меня оиць пуци старова, — хотѣлъ меня в огнѣ жжечь: «ты-де вывѣдываешь мое тайны!» А какъ петь-су причастить, не исповѣдавъ? А не причастивъ бѣшапова, ино бѣса совершенно не отгонишь. Бѣс-то вѣть не мужикъ: ба-тога не боится; боится онъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжить от тѣла Христова. Я, кро-мѣ сихъ тайнъ, врачевать не умѣю.*)

В нашей православной вѣре без исповѣди не причащаютъ; в римской вѣре творять такъ, — не брегуть о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаетъ, но на всяко время пока-ніе искати. **)

Аще священника, нужды ради, не получишь: и ты сво-ему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаянiе твое видѣвъ, и тогда с правилцомъ причащайся Святыхъ Таинъ. Держи при себѣ запасный агнецъ. Аще в пути или на промы-лу, или всяко прилучится, кромѣ церкви, воздохни предъ Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповѣдався, с чистою совѣстію при-частися святыни: такъ хорошо будетъ! По постѣ и по правилѣ, предъ образомъ Христовымъ на корбочку постели платчикъ и свѣчку зажги, и в сосудце водицы маленко, да на ложечку почерпни и часть тѣла Христова с молитвою в воду на ложку положи, и кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи: Вѣрую, Господи, и исповѣдаю, яко Ты еси Христосъ Сынь Бога живаго, пришедый в міръ грѣшники спасти, от нихъ же первый есмь азъ. Вѣрую, яко воистину се есть самое пре-чистое тѣло Твое и се есть самая честная кровь Твоя. Его же ради молю Ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрѣшенія моя, вол-

*) Такъ дасть Богъ, и здравъ бываетъ. За што было за то гнѣва-тися? Явно в немъ бѣвъ дѣйствовать, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево проститъ. Постригъ я его и поскимилъ, к Москвѣ пріехавъ: царь мнѣ ево головою выдалъ — Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу доуки было, да слава о немъ Богу; давалъ мнѣ на Москвѣ и денегъ много; да я не взялъ; «мигъ, реку, спасеніе твое тощю надобно, а не деньги; постричься, реку, такъ и Богъ проститъ». Видитъ бѣду неминучую, прислалъ ко мнѣ со слезами. Я к нему на дворъ пришель, и онъ палъ предо мною, говоритъ: «волегиъ Богъ, да ты и со мною». Я, простя ево, с чернылами с чудовскими постригъ ево и поскимилъ, а Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому доуки моей об немъ ко Христу было, чтобъ его к Себѣ при-своилъ. Рука и нога у него же отсохли в Чюдовѣ, ис кельи не исхо-дитъ, да любо мнѣ силно, чтобъ ево Богъ царствію небесному спо-добилъ; доучаю и нынѣ об немъ, да и надѣюся на Христову милость, чаю — помилуетъ насъ с нимъ бѣдныхъ! (Третья редакція).

**) О причащеніи святыхъ Христовыхъ не-порочныхъ тайнъ. Всякому убо в пылѣншее время подо-баеть опасно жити и не без разсмотренія причащатися тайнамъ. (Третья редакція).

ная и неволная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣденіемъ и невѣденіемъ, яже разумомъ и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Ти таинствъ во оставленіе грѣховъ и в жизни вѣчную, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь. Потомъ, падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей, и паки Богу помолись: ну, слава Христу! Хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе дѣло. Стану опять про бабъ говорить.

Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ от меня: бранить меня, вмѣсто благодаренія. Онъ чаялъ: Христосъ просто положить; ано пуци и старова стали бѣспца. Заперъ ихъ в пустую избу, ино никому приступу нѣтъ к нимъ; призвалъ к нимъ чернова попа, — и онъ сво дровами бросаютъ, и поволокъ прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что. Приступитъ ко двору не смѣю: болно сердить на меня. Тайно послалъ к нимъ воды святыхъ, велѣлъ ихъ умыть и напоить, и имъ бѣднымъ легче стало. Прибтели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя Христова масломъ; такъ опять, дакъ Богъ, стали здоровы и опять домой пошли; да по почамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молитца Богу. Изрядные дѣтки стали, играть перестали и правилца держатца стали. На Москвѣ з болроною в Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Таже с Нерчи реки паки пазадъ возвратилися к Русѣ. Пять недѣль по лду голому ехали на нартахъ. Мнѣ под робять и под рухлицко дакъ двѣ клячи; а самъ и протопопца брели пѣши, убывающесе о ледь. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошадей не смѣемъ, а за лошедами итти не посмѣемъ, голодные и томше люди. Протопопца бѣдная бредеть-бредеть, да и повакится, — кольско гораздо! В ѣную пору, бредучи, повалилася, а иной томной же человекъ на нея набрель, тутъ же и повалилъя: оба кричать, а встать не могутъ. Мужикъ кричить: «Матушка-государыня, прости!» А протопопца кричить: «что ты, батко, меня задавилъ?» Я пришелъ, — па меня, бѣдная, пеняеть, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» — Она же, вздохня, отвѣщала: «добро, Петровичъ, ино еще побредемъ.»*)

*) Бредешъ, бредешъ, да и ушибеся, повалися. Иное на протопопцу мою мужикъ звалился, старикъ бѣдной, томной же: корамкаются на лду, а встать не могутъ. Протопопца на меня кричить: «долго-ли, протопопъ, сего мученія будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти подобаетъ намъ Христа ради страдати». (Вторая редакция).

Курочка у насъ черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божимъ повелѣніемъ; нуждѣ нашей помогаая, Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, в то время удавили по грѣхомъ. И выпѣча мнѣ жалъ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни што чудо была: во весь годъ по два яичка на день давала; сто рублейъ при ней плюново дѣло, желѣзо! А та птичка одушевлена, Божіе твореніе, насъ кормила; а сама с нами кашку сосновую ис котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а намъ противъ тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто намъ она и досталася. У болрони куры всѣ переслѣбили и мерепъ стали; такъ она, собравше в коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ, — помолплься о курахъ. И я-су подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобно ей курки. Молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ крошилъ и кадилъ; потомъ в лѣсъ збродилъ, — корыто имъ здѣлалъ, ис чево ѣсть, и водою покропилъ, да к ней все и отослалъ. Куры, Божимъ мановеніемъ, исцелѣли и исправилися по вѣре ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня такъ повелось. Еще Козма и Даміанъ челоѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу Его, пречистаго Владыки, еще же и челоѣвка ради.

Таже приволоклися паки на Иртынь озеро. Болроця пожаловала, — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи паелися. Кормилица моя была Евдокѣя Кириловна, а и с нею дьяволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ Симеонъ, — тамъ родился, я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылала ко мнѣ на благословеніе и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцеловавъ ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома: занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ, она осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, свѣдавъ, осердился-жъ на нея, и меж нами прѣ велика стала быть. Младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батоншки. В зазоръ пришла; не вѣдаеть, что дѣлать, а Богъ пуци угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришелъ. Пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачють; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна!» А ожидаю покаянїя ея. Вижу, что ожесточилъ дьяволъ сердце ея; припалъ ко Владыке, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умяхчилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына середнева Ивана ко мнѣ, — со слезами просить

прощенія матери своей, ходя и кланяяся около печи моея. А я лежу под берестомъ нагъ на печи; а протопица в печи; а дѣти кое-гдѣ: в дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье кашлетъ, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Орефы колѣдуна». Потомъ и болшова принесли, — велѣла перед меня положить; и всѣ плачють и кланяются. Я-су всталъ, добыль в грязи патрахѣль и масло священное нашолъ. Помоля Бога и покадя, младенца помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Робенокъ, даль Богъ, и опять здоровъ сталъ, — с рукою и с ногою. Водю святою ево напоилъ и к матери послалъ. Виждь, слышателю, покаяніе матери колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? — не сегодня кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы, да пироговъ, — а намъ то голоднымъ надобе. И с тѣхъ мѣсть помирился. Выехавъ из Даурь, умерла, миленкая, па Москвѣ; я и погребаль в Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдаль то и самъ Пашковъ про младенца, — она ему сказала. Потомъ я к нему пришель. И онъ, поклоняся низенко мнѣ, а самъ говорить: «спаси Богъ! отечески творишь, — не помнишь пашева зла». И в то время нищи довольно прислалъ.

А опослѣ тово вскорѣ хотѣлъ меня пытать; слушай, за что. Отпускалъ онъ сына своево Еремѣя в Мунгальское царство восвать, — казаковъ с нимъ 72 человекъ да иноземцевъ 20 человекъ, — и заставлялъ иноземца шаманигъ, сирѣчь гадать: удасться имъ и с побѣдою ли будутъ домой? Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привель барана живова в вечеръ, и учаль над нимъ волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвергѣль и прочь отбросилъ. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, и, много кричавъ, о землю ударилъся, и пѣна изъ рта пошла. Бѣси давили ево; а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣси сказали: «с побѣдою великою и з богатствомъ болшимъ будете назадъ». И всеводы ради, и всѣ люди радуся, говорятъ: «богаты придемъ!» Охъ, душе моея тогда горко, и нынѣ не сладко! Пастыръ худой погубилъ своя овцы, от горести забыль реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: Господи, хощеша ли, речеве, да огонь снидеть с небесе и потребить ихъ, яко-же и Илія сотвори. Обращъжеся Ісусъ и рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы; сынъ бо человѣческій не придетъ душъ человѣческихъ погубити, но спа-

сти. И идоша во ину весь. А я окаянной здѣлалъ не такъ. Во клѣвине своей кричалъ с воплемъ ко Господу: «послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный-свѣтъ, послушай меня! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ, и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи, приложи, и погибель имъ наведи, да не забудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишю излаялъ меня. Потомъ отпустилъ с войскомъ сына своего. Ночью поехали по звѣздамъ. В то время жалъ мнѣ ихъ: виднѣ душа моя, что имъ побитымъ быть, а самъ таки на нихъ погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мнѣ; а я имъ говорю: «погибнете тамъ!» Какъ поехали, лошади под ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужасъ на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: чтобъ батюшко государь помолился за меня. И мнѣ ево стало жалъ. А се другъ мѣ тайшой былъ и страдалъ за меня.—Какъ меня кнутомъ отецъ ево билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ приехали послѣ меня на другой порогъ, на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли в ворота, а ево Аванасьева дощеникъ, — снасть добрая была и казаки всѣ шесть сотъ промышляли о немъ, а не могли звѣсти, — взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ! Станцило всѣхъ в воду людей, а дощеникъ на камень бросила вода: чрезъ ево льется, а в пезо нейдетъ. Чудо, какъ-то Богъ безумныхъ тѣхъ учить! Онъ самъ на берегу; боярня в дощенике; и Еремей сталъ говорить: «батюшко, за грѣхъ наказуетъ Богъ! напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаятца, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, к соснѣ отклонясь, прижалъ руки, сталъ, а самъ, стоя, «Господи помилуй!» говорить. Пашковъ же, ухватя у малова колешчатую пицаль, — никогда не лжетъ, — приложася на сына, курокъ спустилъ, и Божією волею, осѣклася пицаль. Онъ же, поправя порохъ, опять спустилъ, и наки осѣклася пицаль. Онъ же и въ третьи также сотворилъ; пицаль и въ третьи осѣклася же. Онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ; такъ и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени под водою лежитъ. Съль Пашковъ на стуль, шпагою подперся, задумався, и плакать сталъ; а самъ говоритъ: «согрѣшилъ окаянный — пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ; за то меня наказуетъ Богъ!» Чудно, чудно! по писанію: яко

косень Богъ во гнѣвъ, а скорь на послушаніе; дощеникъ самъ, покаянія ради, сплыль с камня, и сталъ носомъ противъ воды; потянули: онъ и възбжалъ на тихое мѣсто тотъчасъ. Тогда Пашковъ, призвавъ сына к себѣ, промолыль ему: «прости, брате Еремѣй, — правду ты говоришь!» Онъ же, прискоча, падъ, поклонися отцу и рече: «Богъ тебя, государя, простить! я пред Богомъ и пред тобою виновать!» И взявъ отца под руку, и повелъ. Гогаздо Еремѣй разумень и добръ человекъ: ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его. Да по писанію и надобе такъ: Богъ любить тѣхъ детей, которые почитаютъ отцовъ. Виждь, слышателью, не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради Христа и правды Его? А мнѣ сказывалъ кормщикъ ево Аѳонасьева дощеника, — тутъ былъ, — Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремѣя мнѣ: сталъ Владыке докучать, чтобъ ево пощадилъ. Ждали ихъ с войны: не бывали на срокъ. А в тѣ поры Пашковъ меня и к себѣ не пускалъ. Во единъ от дней учредилъ застѣнокъ, и огонь розскалъ, — хочеть меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю ево стряпанье, — послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, жейѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ». А се и бѣгутъ по меня два палача. Чюдно дѣло Господне и неизреченны судбы Владычни! Еремѣй раненъ самъ-другъ дорожкой мимо избы и двора мовео едетъ, и палачей вскрикалъ и воротилъ с собою. Онъ же, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной с кручины. И Еремѣй, поклонися со отцемъ, вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все без остатку, и какъ ево увелъ иноземець от мунгальскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и по каменнымъ горамъ в лесу, не ядше, блудилъ семь дней, — одну съель бѣлаку, — и какъ монимъ образомъ человекъ ему во снѣ явился и, благословя ево, указалъ дорогу, в которую страну ехать, онъ же, вскоча, обрадовался и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу розсказываетъ, а я пришелъ в то время поклонитися имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово в слово что медведь морьской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ! — вздохни, говорить: «такъ-то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говорить: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево, — не знаю; Богъ разбереть в день вѣка. Перемяна ему пришла, и мнѣ грамота: велено ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ; умышлялъ во умѣ своемъ: «хотя-де одинъ поедеть, и ево-де убьютъ иноземцы». Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и с людьми плыль, а слышалъ я, едучи, от иноземцевъ дрожали и боялись. А я, мѣсяць спустя послѣ ево, набравъ старыхъ и болныхъ и раненныхъ, кои тамъ негодны, человекъ з десятокъ, да я з женою и з дѣтми — семнатцетъ насъ человекъ, в лотку сѣдше, уповая на Христа, и крестъ поставя на носу, поехали, амо же Богъ наставитъ, ничево не бояся. Книгу Кормячю далъ прикащичку, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего выкупилъ, Василія, который тамъ при Пашкове на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моя голова искалъ: в ѣную пору, бивше меня, на коль было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ! А послѣ Пашкова хотѣли ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у нихъ Христа ради, а прикащичку выкупъ давъ, на Русь ево вывезъ, от смерти к животу, — пускай ево бѣднава! — либо покается о гресѣхъ своихъ. Да и другова такова же увезъ замотая. Сего не хотѣли мнѣ выдать; а онъ ушелъ в лѣсъ от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мнѣ в карбасъ. Ано за нимъ погоня! Дѣтъ стало нѣгдѣ. Я-су, — простите! — своровалъ: яко Раавъ блудная во Ерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ ево, положи на дно в судне, и постелею накиннулъ, и велѣлъ протопопиде и дочери лечи на нево. Вездѣ искали, а жены моей с мѣста не тронули, — лишю говорятъ: «матушка, опочивай ты, и такъ ты, государыня, гора натерѣлася!» А я, — простите Бога ради! — лгалъ в тѣ поры, и сказывалъ: «цѣту ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Понскавъ, да и поехали ни съ чемъ; а я ево на Русь вывезъ. Старець да и рабъ Христовъ, простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется? не велико ли мое согрѣшеніе? При Рааве блуднице, она, кажется, также здѣлала; да писаніе ея похваляетъ за то. И вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ: припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери, или прощеніе, или епитимію, понеже мы за одно воровали, — от смерти человекъ ухоронили, ища ево покаянія к Богу. Судите же такъ, чтобъ насъ Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла. Припиши же что-нибудь, старецъ.

Богъ да проститъ тя и благословитъ в семъ твоѣхъ и в будущемъ, и подружю твою Анастасю, и дочеръ твою, и весь домъ твой. Добро сотворилъ есте и праведно. Аминь.

Добро, старецъ, спаси Богъ на милостыни! Полно тово. Прикащикъ же мучки гривенокъ с тритцетъ далъ, да коровку, да овечекъ пять-шесть, мясо иссуша; и тѣмъ лѣто питался, пловучи. Доброй прикащикъ человекъ, дочь у меня Ксенью крестилъ. Еще при Пашкове родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мѣра и масла, такъ не крещена долго была, — послѣ ево крестилъ. Я самъ жеиъ своей и молитву говорилъ, и детѣй крестилъ с кумомъ с прикащикомъ, да дочь моя болная кума, а я у нихъ пошъ. Тѣмъ же обраспомъ и Анастася сына крестилъ и, обѣдню служба на Мезени, причастилъ. И детей своихъ исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своей; есть о томъ в правилехъ, — велено такъ дѣлать. А то запрещеніе то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою, — дурно молить! — гузно тру. Меня благословляютъ московскіе святители Петръ и Алексѣй, и Иона, и Филиппъ, — я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою совестію и служу; а отступниковъ отрицаюся и клену, — враги онѣ Божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи! Хотя на меня каменья накладыть, я, со отеческимъ преданіемъ, и под каменьемъ лежу, не токмо под шпынскою воровскою никоніантскою клятвою ихъ. А што много говорить? Плюнуть на дѣйство-то и службу-ту ихъ, да и на книги-те ихъ новоизданныя, — такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, како угодити Христу и Пречистой Богородице; а про воровство ихъ полно говорить. Простите, брате никоніане, что избранилъ васъ; живите, какъ хотите. Стану опять про свое горе говорить, какъ вы меня жалуете-подчиваете: 20 лѣтъ тому ужъ прошло; еще бы хотя столко же Богъ пособилъ помучитца от васъ, ино бы и было с меня, о Господѣ Возѣ и Спасѣ нашемъ Іеусе Христе! А затѣмъ сколько Христось дастъ, толко и жить. Полно тово, — и такъ далеко забрелъ. На первое возвратимся.

Поехали изъ Дауръ, стало нищи скудаты, и з братією Бога помолили: и Христось намъ далъ изубря, болшова звѣря, — тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русскихъ людей наехала станица соболиная, рыбу промышляетъ; рады, миленькіе, намъ, и с карбасомъ насъ, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачють, миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ. Нада-

вали пищи, сколько намъ надобно: осетровъ с сорокъ свѣжихъ перед меня привезли, а сами говорятъ: «вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ, — возми себѣ всю!» Я, поклонясь имъ и рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: «на што мнѣ столько?» Погостя у нихъ, и с пужду запасцу взявъ, лотку починя, и парусъ скропавъ, чрезъ море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о томъ мѣсте широко, — или со ста, или с осмьдесятъ веръсть. Егда к берегу пристали, востала буря вѣтренная, и на берегу насилу мѣсто обрели от волнъ. Около ево горы высокіе, утесы каменные и зѣло высоки, — дватцеть тысяць веръсть и болши волочилися, а не видалъ такихъ нигдѣ. Наверху ихъ полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богодѣлавно. Лукъ на нихъ растетъ и чеснокъ, — болши романовско-го луковицы, и слатокъ зѣло. Тамъ же растутъ и конопки богорасленные, а во дворахъ — травы красныя и цвѣтны и благовоны гораздо. Птиць зѣло много, гусей и лебедей, — по морю яко снѣгъ плавають. Рыба в немъ — осетры и таймени, стеръледи и омули, и сиги, и прочихъ родовъ много; вода прѣсная; а нерны и зайцы великія в немъ: во окіанѣ морѣ болшомъ, живучи на Мезени, такихъ не видалъ. А рыбы зѣло густо в немъ; осетры и таймени жирны гораздо, — недѣля жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ. А все то у Христа-тово-свѣта надѣлано для человѣковъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ. А человѣкъ, суете которой уподобится, дніе его, яко снѣгъ, преходять; скачеть, яко козѣлъ; раздувается, яко пузырь; гиѣвается, яко рысь; съестъ хочеть, яко змѣя; ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя; лукаветъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно; без правила спить; Бога не молить; отлагаетъ покаянїе на старость, и потомъ исчезаетъ; и не вѣмъ, камо отходить: или во свѣтъ ли, или во тму, — день судный коегождо явить. Простите мя, азъ согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже в русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничто-жъ успѣваетъ, но паче молтва бываеть. Опечалаяся, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣдаю ли слово Божїе, или скроюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня. И видѣ меня печална, протопопца моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ, и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Азъ же ей подробну извѣстихъ: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ, или молчать? — связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! что ты, Петровичъ, говоришь? Слыхала я, — ты же читалъ, — апостоль-

скую рѣчь: привязалъся еси женѣ, не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишися, тогда не ищи жены. Азь ты и з дѣтми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе попрежнему, а о насъ не тужи; дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучать, тогда насъ в молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичъ, — обличай блудно еретическую!» — Я-су ей за то челомъ и, отряسه от себя печальную слѣпоту, начахъ попрежнему слово Божіе проповѣдати и учити по градамъ и вездѣ, еще же и ересь никоніянскую со дерзповеніемъ обличалъ.

Въ Енисѣйске зимоваль; и пакы, лѣто плывше, в Тобольске зимоваль. И до Москвы едуци, по всѣмъ городамъ и по селамъ, во церквахъ и на торьгахъ кричалъ, проповѣдая слово Божіе, и уча, и обличая безбожную леств. Также пріехалъ к Москвѣ. Три годы ехалъ из Даурь; а туды волокъся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли промежду иноземскихъ орьдъ и жилищъ. Много про то говорить! Бывалъ и в иноземскихъ рукахъ. На Оби великой рекѣ предо мною 20 человекъ погубили христіанъ, а надо мною думавъ, да и опустили совсѣмъ. Пакы на Иртыше реке собраніе ихъ стоитъ: ждуть березовскихъ нашихъ в дощеникомъ и нобить. А я, не вѣдаючи, и пріехалъ к нимъ и, пріехалъ, к берегу присталъ: онѣ с луками и обьскачили насъ. Я-су, вышедъ, обниматца с ними, што с черницами, а самъ говорю: «Христосъ со мною, а с вами той же!» И онѣ до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели. Жена моя также с ними лицемъритца, какъ в міре леств совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаемъ: какъ бабы бывають добры, такъ и все о Христе бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя, торьговать со мною стали, — медведень я у нихъ накупилъ, — да и отпустили меня. Пріехалъ в Тоболескъ, сказываю: ино люди дивятся тому, попеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповаю на Христа, ехалъ посредѣ ихъ. Пріехалъ на Верхотурье, — Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ, ты протопощъ, проехалъ?» А я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никою; одною боюсь Христа».

Таже к Москвѣ пріехалъ и, яко ангела Божія, пріяша мя государь и бояря, — всѣ мнѣ ради. К Ѳедору Ртищеву зашелъ: онѣ самъ ис полатенъ выскочилъ ко мнѣ, благословилъся от меня, и учили говорить много-много, — три дни и три ночи домой меня не отпустилъ, и потомъ обо мнѣ царю извѣстилъ. Государь меня тогъчасъ к руке

поставить велѣлъ и слова милостивые говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видатца Богъ велѣлъ!» И я сопротивъ руку ево поцеловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь и жива душа моя, царь государь; а впредь, что изволить Богъ!» Онъ же, миленькой, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобе ему. И иное кто-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырѣскомъ подворье в Кремли и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а самъ говоритъ: «благослови-де меня и помолися о мнѣ!» И шапку в ѣдную пору мурѣманку, снимаячи з головы, уронилъ, едучи верхомъ. А ис корѣты высунется бывало ко мнѣ. Таже и всѣ бояря, после ево, челомъ да челомъ: протопопъ, благослови и молися о насъ! Какъ-су мнѣ царя тово и боярѣтѣхъ не жалѣтъ? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и нынѣ онѣ не лихи до меня; дьяволь лихъ до меня, а человекъ всѣ до меня добры. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и в духовники звали, чтобъ я с ними соединился в вѣре; азъ же вся сія яко уметы вменилъ, да Христа пріобрящу, и смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ.

А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено (блюдися, от Меня да не польма растесанъ будени). Я вскочилъ и палъ предъ иконою во ужасѣ велице, а самъ говорю: «Господи, не стану ходить, гдѣ поповому поютъ, Боже мой!» Былъ я у заутрени в соборной церкви на царевнины именины, — шаловалъ с ними в церкви той при восходахъ; да с пріезду смотрилъ у нихъ просвиромисанія дважды или трожды, в олтареѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругалъся, а какъ привыкъ ходить, такъ и ругатца не сталъ, — что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалию было. Такъ меня Христосъ-свѣтъ попужалъ, и рече ми: «по толикомъ страданіи погибнуть хочешь? блюдися, да не польма разсѣку тя!» Я и к обѣдне не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ, и всю подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андрѣевичъ Хилъковъ, плакать сталъ. И мнѣ окаянному много столю Божія благодѣянія забыть?

Егда в Даурахъ я былъ, на рыбной промыслъ к дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на базлукахъ; тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты замерзають, — блиско человекъ толщины; пить мнѣ захотѣлось и, гараздо от жажды томимъ, ити не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя озеро верѣсть с восьмъ; сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый ис камени в пустыни людямъ воду, жаждущему Израилю, тогда и днесъ Ты еси!

напой меня, ими же вси судбами, Владыко, Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молить; простите, Господа ради! Кто есмь азъ? умерый песь! — Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидесе: гора великая льду стала и, дождеу уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленку и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася и я, воставъ, поклоняся Господеви, паки побѣждалъ по льду, куды мнѣ надобе, к детям. Да и в прочіи времена в волоките моей такъ часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промыслию, или в лѣсе дрова секу, или ино что творю; а самъ и правило в тѣ поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы, — што прилучится. А буде в людяхъ бываетъ неизворотно, и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моево не любятъ, а, идучи, мнѣ пелзя было исполнить: и я, отступя людей под гору или в лѣсъ, коротенко здѣлаю, — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде жо по мнѣ люди, и я на сошке складенки поставя, правилца поговорю, — иные со мною молятся, а иные кашу варятъ. А в саняхъ едучи, в воскресныи дни на подворьяхъ всю церковную службу пою, а в рядовые дни, в саняхъ едучи, пою; а бывало и в воскресныи дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко, а таки поворочю. Яко же тѣло альчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Елифаній, брашна духовнаго желаетъ: не гладь хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человѣка; но гладь велий человѣку — Бога не моля, жити.

Бывало, отче, въ Даурьской землѣ — аще не поскучите послушать с рабомъ темъ Христовымъ, азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ, — от немощи и от глада великаго изнемогъ в правилѣ своемъ, всего мало стало, толко на вечернишныи псалмы, да полупошницю, да часть первой, а болши тово ничево не стало; такъ, что скотинка, волочюсь; о правиле томъ тужу, а принять ево не могу, — а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ в лѣсъ по дрова; а без меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь с матерью — обе плачють. Огрофена, бѣдная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я припелъ из лѣсу: зѣло робенокъ рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолить, мычить к матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ. И я отдохнулъ и с молитвою приступилъ к робяти, рекъ: «о имени Господни повелеваю ти: говори со мною! о чемъ плачешь?» Она же, вскоча и поклоняся,

ясно заговорила: «не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, светленекъ, за языкъ-отъ меня держаль и с матушкою не даль говорить; я тово для плакала; а мнѣ онъ говорить: скажи отцу, чтобы онъ правило попрежнему правилъ, такъ на Русь опять всѣ выедете; а буде правила не станеть править, о немъ же онъ и самъ помышляеть, то здѣсь всѣ умрете, и онъ с вами же умреть». Да и иное кое-что ей сказано в тѣ поры было: какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси заедемъ, — все такъ и збылося. И велено мнѣ Пашкову говорить, чтобы и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дасть и хлѣбъ родится, — а то были дожди безпрестанно; ячменцу было сѣено небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дни, — тотчасъ выросъ, да и згнилъ было отъ дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ и онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотчасъ поспѣлъ. Чудо-таки! Сѣень поздно, а поспѣлъ рано. Да и паки бѣдной коварничать сталъ о Божіемъ дѣле. На другой годъ насѣлъ было и много, да дождь необыченъ изліяся и вода из рѣки выстунила, и потопила ниву, да и все розмыло, жилища наши розмыла. А до тово николи тутъ вода не бывала, — и инопемцы дивятся. Виджь: какъ поруга дѣло Божіе и пошелъ страною, такъ и Богъ к нему страннымъ гнѣвомъ! Сталъ смѣятца цервному тому извѣщенію напоследокъ: робенокъ-де есть захогѣлъ, такъ плакалъ! А я су с тѣхъ мѣсть за правило свое схватался, да и по сія мѣсть тянусь помаленьку. Полно о томъ бѣсѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надобе вся сія помнить и не забывать, всякое Божіе дѣло не класть в небреженіе и просто, и не менять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское бытіе. Видяты онѣ, что я не соединяюся с ними: приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрешневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть от Бога учиненъ, а се добренекъ до меня, — чаялъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть па Печатномъ дворѣ книги править, и я радъ силно, — мнѣ то надобно лутче и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ десеть рублевъ денегъ, парица десеть рублевъ же денегъ, Лукьянъ духовникъ десеть рублевъ же, Родіонъ Стрешневъ десеть рублевъ же; а дружище наше старое Феодоръ Ртищевъ, тотъ и шестьдесятъ рублевъ казначею своему велѣлъ в шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечева и сказывать: всякъ тащить да несть всячиною! У свѣта моей у Феодосія Прокопьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная, и сестра ее, княгиня Евдокья Прокопьевна, дочь же моя. Свѣты мои, мученицы Хри-

стовы! И у Анны Петровны Милославскіе покойницы всегда же в дому были. А къ Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходилъ. Да такъ-то с полгода жилъ, да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, по паче молитва бываетъ, — паки заворчалъ, написавъ царю многонко-таки, чтобъ онъ старое благочестіе разыскалъ и мати нашу, общую святую церковь, от ересей оборонилъ и на престолъ бы патриаршескій пастыря православнова учинилъ вмѣсто волька и отступника Никола, злодѣя и еретика. И егда писмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо, и я выслалъ царю на переездъ с сыномъ своимъ духовнымъ, с Феодоромъ юродивымъ, что послѣ отступники удавили ево Феодора на Мезени, повѣся на виселицу. Он с писмомъ приступилъ к цареви коретѣ со дерзновениемъ, и царь велѣлъ ево посадить и с писмомъ под красное крылцо, — не вѣдалъ, что мое; а опослѣ, взявше у него писмо, велѣлъ ево отпустить. И онъ, покойникъ, побывавъ у меня, паки, в церковь пред царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать, царь же осердясь, велѣлъ в Чюдовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимаритъ и желѣза на него наложилъ, и Божією волею, желѣза разсыпалися на ногахъ пред людьми. Онъ же, покойникъ-свѣтъ, в хлѣбне той послѣ хлѣбовъ в жаркую печь влѣзъ, и голымъ тузомъ сѣлъ на поду и, крошки в нечи побираючи, естъ. Такъ черницы ужаснулись и архимариту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ и царь, пришедъ в монастырь, честно ево велѣлъ отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришелъ. И с тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиновать сталъ: не любо стало, какъ опять я сталъ говорить; любо имъ, какъ молчу; да мнѣ такъ не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали к прелесной ихъ службѣ ходить. И мнѣ от царя выговоръ былъ: «въласти-де на тебя жалуются; церкви-де ты запустилъ, поедь-де в ссылку опять». Сказывалъ боярищъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень. Надавали были кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да все и осталось тутъ; токмо з женою и дѣтми и з домочадцы повезли. А я по городамъ паки людей Божіихъ училъ, а ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень.

Полтара года державъ, паки одново к Москвѣ възяли; да два сына со мною, — Иванъ да Прокопей, — съехали же; а протопопица и прочіи на Мезени остались всѣ. И привезше к Москвѣ, отвезли под началъ в Пафнутаевъ монастырь. И туды присылка была, — тоже

да тожь говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соедини съ нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ в глаза! Сваску имъ тутъ з бранью з болшою написаль и послалъ з дьякономъ ярославскимъ с Козмою и с подъячимъ двора патріарша. Козма-та не знаю коева духа челоувѣкъ: вьявѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляеть меня, сице говоря: «протопопъ, не отстунай ты старова тово благочестія; великъ ты будешь у Христа челоувѣкъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы!» И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онѣ паки приступилъ ко Христу. И онѣ говоритъ: «нельзя; Николю опуталь меня!» Просто молить, отречеся пред Никономъ Христа, также уже, бѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ сво горюна; болши тово нечева мнѣ дѣлать с нимъ; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, державъ десеть недѣль в Пафнютеве на чепп, взяли меня паки на Москву, и в крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборный храмъ и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потомъ и проклинали; а я ихъ проклиналъ сопротивъ; зѣло было мятежно в обѣдню ту тутъ. И, подержавъ на патріархове дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу к Николѣ в монастырь. И бороду враги Божіи отрѣзали у меня. Чему быть? вольки то есть, не жалѣють овецъ! оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою в монастырь, — болотами да грязью, чтобъ люди не свѣдали. Сами видять, что дурують, а отстать от дурна не хотятъ: омрачилъ дьяволь, — что на нихъ и пенять! Не имъ было, а быть же было инымъ: писанное время пришло по Евангелію: и у ж д а с о б л а з н а м ъ п р и н т и . А другой глаголетъ евангелистъ: невозможно соблазнамъ не приити, но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ. Видь, слышателью: необходимая наша бѣда; невозможно миновать! Сего ради соблазны попускаеть Богъ, да же избрани будутъ, да же разжегутся, да же убеятеся да же искуспіи явленны будутъ в васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатона, да же очервленить ю кровію мученическою. Доброты, дьяволь, вздумаль, и намъ то любо — Христа ради, нашего свѣта, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе быть: чти в царевѣ посланія, тамо обряпещи. И царь приходилъ в монастырь: около темницы моя походилъ и, постонавъ, опять пошелъ из монастыря. Кажется потому, и жалъ ему меня, да ушто воля Божія такъ лежитъ. Какъ стригли, в то время

велико нестроение вверху у нихъ бысть с царицею с покойницею: она за насъ стояла в то время, миленькая; напоследокъ и от казни отпросила меня. О томъ много говорить. Богъ ихъ простить! Я своево мученія на нихъ не спрашиваю, ни въ будущій вѣкъ. Молитесь мнѣ подобаетъ о нихъ, о живыхъ и о преставльшихся. Дьяволъ между нами разсѣченіе положилъ; а онъ всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молитца пріезжалъ; а ко мнѣ просидя в темницу; ино испустили героя; я лишо, в окошко глядя, поплакалъ на него. Миленькой мой! боится Бога, спротинька Христова: не покинетъ ево Христосъ! Всегда таки онъ Христовъ да нашъ человекъ. И все бояря-те до насъ добры, одинъ дьяволъ лихъ. Что петь сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ! Князь Ивана миленькова Хованьскова и батожемъ били, какъ Исаяю сожгли. А боярону-ту Федосью Морозову и советемъ разорили, и сына у нея уморили, и ея мучать; и сестру ея Евдокью, бывше батогами, и от детей отлучили, и с мужемъ розвели, а ево князь Петра Урусова на другой-де женили. Да что петь дѣлать.*) Пускай ихъ миленькихъ мучать: небеснаго жениха достигнуть. Всяко-то Богъ ихъ перепровадитъ вѣкъ сей суетный и присвонитъ къ Себѣ женихъ небесный въ чертогъ Свой, праведное солнце, свѣтъ, упование наше! Паки на первое возвратимся.

Посемъ свезли меня паки в монастырь Шафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную полатку, скована держали год безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а се бѣдной болшо тово же табаку испилъ, что у Газскаго митрополита выняли напоследокъ 60 пудовъ, да додру, да иные тайные монастырскіе вѣщи, что поигравше творять. Согрѣшилъ, — простите; не мое то дѣло: то вѣдаетъ онъ; своему владыке стоять или падаетъ. Къ слову молилось. То у нихъ были любимые законоучители. У сего келаря Никодима попросилъся я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на пороге посидѣть; и онъ меня наругавъ и отказавъ жестоко, какъ ему захотѣлось; и потомъ, в кѣлію пришедъ, разболѣлся: масломъ соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнетъ. То было в понедѣль-

*) Пускай ихъ, свѣтовъ моихъ, — мучатся Христа ради. Красные и свѣтлые боярину в Руской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и дѣтокъ не пощадили, да Христа приобрянуть. Пускай Христосъ Своихъ собираетъ къ Себѣ! Умеръ же бы Иванушко всяко, а то мученикъ Христовъ Морозовыхъ бояръ. Исповѣдалъ ево — свѣта в темницѣ на Москвѣ бывше, и причастилъ тѣла Христова, яко непорочнаго агнца. Добро. Полно тово. Любо мнѣ, что за Христа умирають, я ихъ тому и училъ. Что по нихъ и тужить? Слава Богу о всемъ. (Третья редакция).

никъ свѣтлой. И в ноци противъ вторника прїиде к нему мужъ во образѣ моемъ, с кадиломъ, в ризахъ свѣтлыхъ, и покадилъ ево и, за руку взявъ, воздвигнулъ, и бысть здоровъ. И притече ко мнѣ с келейникомъ ночью в темницу, — идучи говоритъ: «блаженна обитель, — таковыя имѣеть темницы! блаженна темница—таковыхъ в себѣ имѣеть страдальцовъ! блаженны и юзи!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ, говоритъ: «ирости, Господа ради, прости! согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою; оскорбилъ тебя—и за сіе наказаль мя Богъ». И я говорю: «какъ наказаль? повѣждь ми». И онъ паки: «а ты-де самъ, приходя и покадя, меня пожаловаль и поднялъ, — что де запираеся!» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «я, батюшко государь, тебя под руку вывелъ не кѣльи, да и поклонился тебѣ, ты и пошелъ сюды». И я ему заказаль, чтобъ людямъ не сказываль о тайне сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ, или-де мнѣ велишь покинуть все и в пустыню пойти? Азъ же его понаказавъ, и не велѣлъ ему келарьсва покидать, токмо бы, хотя втай, держаль старое преданіе отеческое. Онъ же поклоняся, отъиде к себѣ, и на утро за трапезою всей братье сказаль. Людїе же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенїя и молитвы от меня; а я ихъ учю от писанїя и ползую словомъ Божиимъ; в тѣ времена и врази кои были, я тѣ примирился тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: горе, сму-же рекутъ добре вси чело-вѣцы. Воистину не знаю, какъ до краю доживать: добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ! То вѣдаетъ Опъ, — воля Ево.

Тутъ же прїезжалъ ко мнѣ втай з дѣтми моими Феодоръ покойникъ, удавленной мой, и спрашивался со мною: «какъ-де прикажешъ мнѣ ходить, — в рубашке ли постарому, или в платьѣ облещься? — еретики-де ищуть и погубить меня хотять. Былъ-де я на Резани под началомъ, у архїепископа на дворѣ, и зѣло-де онъ Иларїонъ мучилъ меня, — рѣткой день плетми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держаль, принуждая к помому антихристову тайнству. И я-де уже изнемогъ, — в ноци молися и плача, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня, и погибну. Что тогда мнѣ сотворишь?» И много плачючи говорилъ: «А се-де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де, Богу поклоняся, да и пошелъ; к воротамъ пришелъ — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москвѣ напрямикъ. Егда-де розсвѣтало, — ано погоня на лошedahъ! Трое человекъ мимо меня пробѣжали, — не увидѣли меня. Я-де надѣюся на Христа, бреду таки впредь. Помале-де онѣ

едутъ на встрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: уцель-де, блядинъ сынъ, — гдѣ-де сво возмѣшь! Да и опять-де проехали, не выдали меня. И я-де нынѣ къ тебѣ спроситца прибрѣлъ: туды-ль де мнѣ опять мучитца пойти, или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» — И я ему, грѣшной, велѣлъ въздѣтъ платье. А однако не ухоронилъ отъ ерегическихъ рукъ, — удавили на Мезени, повѣся на виселицу. Вѣчная ему память и с Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои, пострадали за Христа! Слава Богу о нихъ! Зѣло у Феодора тово крѣпокъ подвигъ былъ: в день юродьствуетъ, а ноцъ всю на молитвѣ со слезами. Много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника такова! Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, — а мнѣ еще не моглося, — в задней комнатке двое насъ с нимъ и, много часъ-другой полежить, да и встанеть; 1000 поклоновъ отбрасаетъ, да сядетъ на полу и иное, стоя, часа с три плачетъ, а я таки лежу, — иное сплю, а иное неможется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступить: «долго ли тебѣ, протопопъ, лежать-тово, образумся, — вѣть ты попъ! какъ сорома нѣтъ?» И мнѣ неможется, такъ меня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой - батюшко, — ну, таки встанься какъ-нибудь!» Да и розскачетъ меня. Сидя мнѣ велитъ молитвы говорить, а онъ за меня поклоны кладеть. То-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ миленькой былъ с перетуги великия: черевъ из него вышло в одну пору пять аршинъ. Неможется, а кишки перемѣряетъ; и смѣхъ с нимъ и горе! На Устюге пять лѣтъ безпрестанно мерзѣть на морозѣ босъ, бродя в одной рубашке: я самъ ему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной, какъ я не Сибири ехалъ. У церкви в полатке, — прибрѣгалъ молитвы ради, — сказывалъ: «какъ де от мороза тово в теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де ташко в те поры бываетъ», — по кирпичю тому ногами теми стукаешь, что коченьемъ! А на утро и опять не болять. Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей в келье, — маленько еще зналъ о новизнахъ; и я ему розсказалъ подробну про новыя книги; онъ же, схватавъ книгу, тотъчасъ и в печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну. Зѣло у него во Христа горяча вѣра была! Да что много говорить? — какъ началъ, такъ и скончалъ! Не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянной; того ради и скончалъся боголѣпнѣй. Хорошъ быхъ и Аѳонасьюшко — миленькой, сынъ же мнѣ духовной, во иноцехъ Авраамій, что отступники на Москвѣ в огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесся святѣй Троице. До иночества бродилъ босикомъ же в одной рубашке и зиму и лѣто; толко сей Феодора помирнѣе и в подвиге малехнее покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и хо-

дять и плачеть. А с кѣмъ молыть, — и у него слово тихо и гладко, яко плачеть. Феодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣле Божіи болѣзненъ: всяко тщится розорити и обличати неправду. Да пускай ихъ! Какъ жили, такъ и скончались о Христвѣ Іеусѣ Господѣ нашемъ.

Еще вамъ побесѣдую о своей волоките. Какъ привезли меня из монастыря Шаенутьева к Москвѣ, и поставили на подворье, и, волоча многожды в Чюдově, поставили передъ вселенскихъ патріарховъ, — и наши всѣ тутъ же, что лисы, слѣдѣли, — от писанія с патріархами говорилъ много; Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христовъ! Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что-де ты упрямъ? вся-де наша Палестина, — и серби, и альбашсы, и волохи, и римляне, и ляхи, — всѣ-де трема перьсты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своемъ упорствѣ и крестятся пятью перьсты! — такъ-де не подобаетъ!» И я имъ о Христе отвѣщаль сице: «вселенстїи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ несклонно, и ляхи с нимъ же погибли, до конца враги быша христїаномъ. А и у васъ православїе пестро стало от насилїя турьскаго Магмета, — да и дивить на васъ нельзя: немощи есте стали. И впредь прїезжайте к намъ учитьца: у насъ, Божїею благодатїю, самодержество. До Никона отступника в нашей Росїи у благочестивыхъ князей и царей все было православїе чисто и непорочно, и церковь немлтежна. Никонъ волъкъ со дьяволомъ предали трема перьсты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятью перьсты крестились, такожде пятью перьсты и благословляли по предашїю святыхъ отецъ нашихъ: Мелетїа антиохійскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринїйскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Бще же и московскїй помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ такъ же слагая перьсты креститися и благословляти повелеваетъ, яко-жь прежнїи святїи отцы, Мелетїи и прочїи, научиша. Тогда при царѣ Иване быша на соборе знаменосцы: Гурий и Варсонофїй, казаньскїе чудотворцы, и Филиппъ соловецкїй игумень, от святыхъ русскихъ». А патріархъ си задумался; а наши, что волъчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глулы-де были и несмыслили наши русскїе святыя, не ученые-де люди были, — чему имъ вѣрить? Онѣ-де грамотѣ не умѣли!» О, Боже святый! како потерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденїя? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечева стало. Побранилъ ихъ, колко могъ, и послѣднее слово рекъ: «чистъ есмь азъ, и прахъ прїятвнїи от ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лутче единъ творїи волю Божїю, нежели тмы беззаконныхъ!» Такъ на меня и пущи закричали: «возми его! — всѣхъ насъ обезчестилъ!» Да толкать и

бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человекъ ихъ сорокъ, чаю, было,—велико аятихристово войско собралось! Ухватили меня Иванъ Уаровъ, да потащилъ. И я закричалъ: «постой,—не бейте!» Такъ онѣ все отскочили. И я толмачю — архимариту говорить сталъ: «говори патриархамъ: апостоль Павелъ пишетъ: такъ овъ и амъ подобаше архіерей, и реподобень, и незлобивъ и прочая; а вы, убивше человекъ, какъ литоргисать станете?» Такъ онѣ сѣли. И я отошелъ ко дверямъ, да набокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»,—говорю имъ. Такъ онѣ смѣются: «дуракъ-де про топопъ! и патриарховъ не почитаетъ!» И я говорю: «мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы силни, мы же немощни!» Потомъ паки ко мнѣ пришли власти и про аллилуія стали говорить со мною. И мнѣ Христось подалъ,—посрамилъ в нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего в началъ реченно. И Еввемей, чудовской келарь, молилъ: «правъ-де ты, — нѣчева-де намъ болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потомъ полуголову царь прислалъ со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тутъ же — священника Лазаря и инока Епифанія старца; острижены и обруганы, что музички деревенскіе, милепкіе! Умному человекъ поглядѣть, да лише заплакать, на нихъ глядя. Да цускай ихъ терпятъ! Что о нихъ тужить? Христось и лутче ихъ былъ, да тожъ Ему, свѣту нашему, было от прадедовъ ихъ, от Аншы и Каіафы; а на нынѣшнихъ и дивить нѣчева: с обрасца дѣлають! Потужить надобно о нихъ о бѣдныхъ. Увы, бѣдные никоніяны! погибаете от своего злаго и непокориваго права!

Потомъ с Воробьевыхъ горъ перевели на Андрѣевское подворье; таже в Савину слободку. Что за разбойниками стрелцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; помянется, — смѣхъ и горе, — какъ то омрачилъ дьяволь! Тажъ к Николѣ на Угрену: тутъ государь прислалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина благословенія ради, и кое о чемъ много говорили.

Таже опять ввели в Москву насъ на Никольское подворье и взяли у насъ о правобѣрии еще скаскы. Потомъ ко мнѣ комнатные люди многожды присланы были, Артемонъ и Дементей, и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу-де твоео благословенія и с цариею и с чады, — помолися о насъ!» Кланяючись, посланникъ говорить. И я по немъ всегда плачу; жаль мнѣ сильно ево. И паки онъ же: «пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя не-

болшимъ чемъ!» И я говорю: «аще и умрети ми Богъ изволить, со отступниками не соединяюся! Ты, реку, мой царь; а имъ до тебя какое дѣло? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить суды приволоклися! Я, реку, не сведу рукъ с высоты небесныхъ, дондеже Богъ тебя отдасть мнѣ». И много тѣхъ присылокъ было. Кое о чемъ говорено. Последнее слово рекъ: «гдѣ-де ты ни будешь, не забывай насъ в молитвахъ своихъ!» Я и нынѣ, грѣшной, елико могу, о немъ Бога молю.

Таже братію казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послалъ к царю два посланія: первое невелико, а другое болши. Кое о чемъ говорилъ. Сказалъ ему в посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣетъ. Еще же от меня и от братіи дьяконово снисканіе послано в Москву правовѣрнымъ гостинца, книга «Отвѣтъ православныхъ» и обличеніе на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и от Лазаря священника посланы два посланія царю и патріарху. И за вся сія присланы к намъ гостинцы: повѣсили на Мезени в дому моемъ двухъ человекъ, дѣтей моихъ духовныхъ, — прежде-реченнаго Теодора юридиваго да Луку Лаврентьевича, рабовъ Христовыхъ. Лука-та московской жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единопчаденъ, усмаръ чиномъ, юноша лѣтъ в полтретьятцетъ; приехалъ на Мезень по смерть з дѣтми моими. И егда бысть в дому моемъ всегубительство, спросилъ его Пилать: «какъ ты, мужикъ, крестисься?» Онъ же отвѣща смиренно-мудро: «я такъ вѣрую и крещуся слагая перьсты, какъ отецъ мой духовной протопопъ Аввакумъ». Пилать же повелѣ его в темницу затворити, потомъ, положа петлю на шею, на рѣлехъ повѣсилъ. Онъ же от земныхъ на небесная възде. Болши тово что ему могутъ здѣлать? Аще и младъ, да по старому здѣлалъ: пошелъ себѣ ко Владыке. Хотя бы и старой такъ догадался! В тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопья, велено-жъ повѣсиль; да онѣ бѣдныя оплошали и не догадались венцовъ побѣдныхъ ухватити: испужався смерти, повинились. Такъ ихъ с матерью троихъ в землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьяволъ иное что умыслить. Страшна смерть: недиво! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отречеся и, изшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть. А на робячь и дивить нѣчево; моего ради согрѣшенія поущено имъ изнеможеніе. Да ужъ добро; быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати.

Посемъ тойже полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ в Пустозерье, приехавъ с Мезени, и взялъ у насъ скаску. Сиче реченно: годъ

и мѣсящъ, и паки: мы святыхъ отецъ церковное преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха Пансея с товарищи еретическое соборище проклинаемъ. И иное тамъ говорено многоко, и Никону, завитчику ересемъ досталось небольшое мѣсто. Потомъ привели насъ к плахе и, прочеть наказъ, мени отвели, не казни, в темницу. Чли в наказѣ: Аввакума посадить в землю въ струбе, и давать ему воды и хлѣба. И я сопротивъ тово плюнулъ и умереть хотѣлъ, не евши, и не ель дпей с восьмъ и болши, да братья паки естъ велѣли.

Посемъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Онъ же и паки говорить без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по занясть отсѣкли, и рука отсѣченная, на землѣ лежа, сложила сама перьсты по преданію, и долго лежала такъ пред народы; исповѣдала, обѣдая, и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Мигъ-су и самому сіе чудно: бездушная одушевленыхъ обличаетъ! Я на третей день у нево во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все, — без языка, а не болитъ. Даль Богъ во временнѣ часѣ исцелѣло. На Москвѣ у него рѣзали: тогда осталось языка, а нынѣ весь без остатку рѣзанъ; а говорилъ два годы чисто, яко и я с языкомъ. Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, и паки говорить, безпрестанно хвали Бога и отступниковъ порицаая.

Посемъ взяли соловецкаго пустыняка, инока схимника, Елпеанія старца, и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перьста. И сперва говорилъ гугниво. Посемъ молилъ пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здѣшней, на воздухе; онъ же, единъ взявъ, положилъ в ротъ свой, и с тѣхъ мѣсть сталъ говорить чисто и ясно, и языкъ совершенъ обрѣтается во ртѣ. Дивна дѣла Господня и неизреченны судьбы Владыччи! — и казнить полускаеть, и паки целить и милуетъ! Да что много говорить? Богъ — старейшій чудотворецъ, от небытія в бытіе приводитъ. Во се нещ в день послѣдній всю плоть человѣчю во мгновеніи ока воскреситъ. Да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава Ему о всемъ!

Посемъ взяли дьякона Θεодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, в горлѣ накомъ рѣзанъ; тогда на той мѣре и зажилъ; а опослѣ и опять со старой выросъ, и за губы выходитъ, притупъ маленько. У нево же отсѣкли руку поперегъ ладони. И все, даль Богъ, стало здорово, — и говорить ясно противъ прежнева и чисто.

Таже осыпали насъ землею: струбѣ въ землѣ, и паки около земли другой струбѣ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьми замѣками; стражѣ же предверми стражаху темницы. Мы же, здѣсь и вездѣ сидящїи в темницахъ, поемъ пред Владыкою Христомъ, Сыномъ Божиимъ, пѣсни пѣснямъ, ихъ же Соломанъ воспѣ, зря на мать Вирсавїю: се еси добра прекрасная моя, се еси добра любимая моя, очи твои горять яко пламень огня; зубы твои бѣлы паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся в красотѣ сіяешъ, яко день в силѣ своей. (Хвала о церкви).

Таже Пилатъ, похавъ отъ насъ, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочихъ нашихъ на Москвѣ жарили да пекли: Исаїю сожгли, и после Авраамїя сожгли, и иныхъ поборниковъ церковныхъ много множество погублено, ихъ же число Богъ изочетъ. Чудо, какъ то в познаніе не хотять принти: огнемъ да кнудомъ, да виселицею хотять вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ? — не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнудомъ, да виселицею в вѣру приводить. Но Господемъ реченно ко апостоламъ сице: шедше в мїръ проповѣдите Евангелїе всей твари. Иже вѣру иметъ и крестится, спаенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ. Смотри, слышателью, — волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоломъ непокаряющихся огнемъ жечь и на виселицахъ вѣшать. Татарской богъ Магметъ написалъ во своихъ книгахъ сице: непокаряющихся нашему преданїю и закону повелеваемъ главы ихъ мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ Своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учителя явны яко пиши антихристовы, которые, приводя в вѣру, губятъ и смерти предають; по вѣре своей и дѣла творять таковы же. Писано во Евангелїи: не можетъ древо добро плодъ золь творити, и иже древо зло плодъ добръ творити: от плода бо всяко древо познано бываеъ. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота вѣнчатца, не по што ходить в Перьсиду, а то дома Вавилонъ. Ну-тко, правовѣрне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменїемъ Спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прїяхомъ от святыхъ отецъ: вотъ тебѣ царство небесное дома родилось! Богъ благословить: мучься за сложенїе перьеть, не разсуждай много! А я с тобою за сіе о Христѣ умрети готовъ. Аще я и немьслень гораздо, неука человекъ, да то знаю, что вся в церкви, от святыхъ отецъ преданная, свята и непороч-

на суть. Держу до смерти, яко же пріяхъ; не предлагаю предѣль вѣчныхъ, до насъ положено: лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ! Не блуди еретику не токмо падъ жертвою Христовою и надъ крестомъ, но и целены не шевели. А то удумали со дьяволомъ книги перепечатать, вся переменить, — крестъ на церкви и на просвирахъ переменить, внутрь олтара молитвы іерейскіе откинули, ектеніи переменяли, въ крещеніи явно духу лукавому молитца велятъ, — я бы имъ и с нимъ в глаза наплевалъ, — и около купѣли противъ солнца лукаво-еть ихъ водить, такоже и, церкви свята, противъ солнца же, и бракъ венчавъ, противъ солнца же водять, — явно противно творять, — а в крещеніи и не отрицаются сатаны. Чему быть? — дѣти ево: коли отца своего отрицатися захотятъ! Да что много говорить? охъ, правовѣрной душе! — вся горняя долу быша. Какъ говорилъ Никоиъ, адовъ песь, такъ и здѣлалъ: печатай, Аръсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому!» — такъ-су и здѣлалъ. Да болши тово нѣчимъ переменить. Умереть за сіе всякому подобаеть. Будьте онѣ прокляты окаянныи со всемъ лукавымъ замысломъ своимъ, а страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды!

Посемъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: иное было, кажется, про житіе-то мнѣ и не надобно говорить; да прочтохъ Дѣяніе Апостольская и Посланія Павлова, — апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаеть в нихъ: не намъ, Богу нашему слава. А я ничто-жъ есмь. Рекохъ, и паки реку: азъ есмь человекъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ и всякому человеку лицемѣрецъ окаянной. Простите же и молитесь о мнѣ; а я о васъ долженъ, чтущихъ и слушающихъ. Болши тово жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу молятся о мнѣ! В день вѣка вси жо тамъ познають содѣланная мною — или благая, или злая. Но аще и не учешъ словомъ, но не разумомъ; не учешъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ в себѣ имамъ, яко-жъ и апостоль глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.

Простите, — еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, заглупалъ, отца своего заповѣдь преступилъ: и сего ради домъ мой наказанъ бысть; внимай, Бога ради, како бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ, протопопъ Стефанъ Вѣнифанычъевичъ, благословилъ меня образомъ Филиппа митрополита, да книгою святаго Еѳрема Сирина, себя ползовать, прочитая, и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе и приказъ, ту книгу брату двоюрод-

ному, по докуке ево, на лошадь променялъ. У меня же в дому былъ братъ мой родной, именовъ Евѳимей, зѳло грамотѳ гораздѳ и о церквѳ велико прилежаніе имѳлъ; напослѳдокѳ взять былѳ к большой царевнѳ вверхъ во псаломщици, а в морѳ и з женою скончался. Сей Евѳимей лошедь сѳю поилъ и кормилъ, и гораздо об ней прилежалъ, презирая правило многажды. И виде Богъ неправду в насъ з братомъ, яко неправо по истиннѳ ходимъ, — я книгу променялъ, отцову заповѳдь преступилъ, а братъ, правило презирая, о скотинѳ прилѳжалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: лошедь ту по ночамъ и в день стали бѳси мучить, — всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Азъ же недоумѳюся, кося ради вины бѳсъ такъ озлобляетъ насъ. И в день недѳльный послѳ ужины, в келейномъ правилѳ, на полунощнице, братъ мой Евѳимей говорилъ кафизму непорочную и завопилъ высокимъ гласомъ: при зри на мя и помилуй мя! — и испустя книгу из рукъ, ударился о землю, от бѳсовъ пораженъ бысть, — начать кричать и вопить гласы неудобными, понеже бѳси ево жестоко начаша мучить. В дому же моемъ иные родные два брата, — Козма и Герасимъ, — болши ево, а не смогли удержать ево Евѳиміа; и всѳхъ домашнихъ человекъ с тритцетъ, держа ево, рыдаютъ и плачють, вопиюще ко Владыке: «Господи помилуй! согрѳшили предѳ Тобю, прогнѳвали Твою благостыню, прости насъ грѳшныхъ! помилуй юношу сего, за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ!» А оны пуци бѳситься, кричить, и дрожить, и бьется. Азъ же, помощію Божіею, в то время несмутихся от голки тоя бѳсовьскія. Кончавше правило, наки начашъ молиться Христу и Богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрѳшеніе таковое ми бысть наказаніе, да, уразумѳвъ, каюся предъ Сыномъ Твоимъ и предъ Тобю, впредь тово не стану дѳлать!» И, плачючи, послалъ во церковь по Потребникъ и по святую воду сына своего духовнаго, Симеона, — юноша таковъ же, что и Евѳимей, лѳтъ въ четырнатцетъ, дружно межъ себя живуще Симеонъ со Евѳиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрепляюще и вселящися, живуще оба в подвиге крѳпко, в постѳ и молитвѳ. Той же Симеонъ, плакавъ по друге своемъ, сходилъ во церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начашъ дѳйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія, с Симеономъ: оны мѳ строилъ кадило и свещи, и воду святую подносилъ; а прочіи держали бѳслужагося. И егда в молитвѳ рѳчь дошла: азъ тѳ имени Господни повелеваю, душе иѳмый и глухій, изыди отъ созданія сего и ктому не

вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣ же человекъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ, — бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь в другорядѣ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуши мучить брата. Охъ, горе мнѣ! Какъ молить? — и соромъ, и не смѣю; но по старцову Ениваніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило, покадилъ образы и бѣснова, и потомъ ударился о лавку, рыдалъ, на многъ часть. Возставше, ту же Василіеву рѣчь закричалъ к бѣсу: «изыди от созданія сего!» Бѣсъ же скорчилъ в колю брата и, пружався, изыде, и сѣлъ на скошко; братъ же бѣсъ яко мерзвѣ. Азъ же покропилъ ево водою святою; онъ же, очхнеся, перъстомъ мнѣ на бѣса, сѣдящаго на окошке, показываетъ; а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Азъ же покропилъ водою окошко: и бѣсъ сошелъ в жерновный уголь. Братъ же и тамъ ево указываетъ. Азъ же и тамъ покропилъ водою: бѣсъ же отголѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указываетъ. Азъ же и тамъ тою же водою. Братъ же указалъ под печь, а самъ перекрестился. И азъ не пошелъ за бѣсомъ, но наполнилъ святою водою брата во имя Господне. Онъ же, воздохия из глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! Будеть тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Богъ, которой в церковь по книгу и по воду-ту ходилъ, пособлялъ тебѣ с ними битца. Подобіемъ онъ, что и Симеонъ же, другъ мой. Подлѣ реки Супдовика меня водили и били, а сами говорятъ: памъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошедь променялъ книгу, а ты-де ея любишь; такъ-де мнѣ надобе брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ, а за нея бы далъ денги двоюродному брату». И я ему говорю: «я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщаль: «какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батко; стиялъ ты меня у царевича и у князей; а братъ мой на Лопатипахъ живетъ, — будеть тебѣ бить челомъ». Азъ же паки ему далъ святія воды; онъ же и судно у меня отнимаетъ и съестъ хочеть, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я цополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить. Ночь всю зимнюю с нимъ простряналъ. Маленько я с нимъ полежалъ, и пошелъ во церковь заутреню пѣть; и безъ меня бѣси паки на него качали, но лехче прежнева. Азъ же, пришедъ от церкви, масломъ ево посвятилъ, и паки бѣси отъидоша, и умъ цель сталъ; но дряхлъ бысть, от бѣсовъ изломалъ: на печь поглядываетъ и отголя боится, — егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать ему стануть. Бился я в бѣсамн, что с собаками, недѣли с три за грѣхъ мой, дондеже въ-

зяль книгу и денги за нея далъ. И ездилъ к другу свосму Иларіону игумну: онъ прѣсвиру вынялъ за брата; тогда добро жилъ, — что нынѣ архіепископъ резанской, мучитель сталъ христіянской. И инымъ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ: и умолили Бога о насъ грѣшныхъ, и освобождень от бѣсовъ бысть братъ мой. Таково-то зло заповѣди преступленіе отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди Господня? Охъ, да толко огонь да мука! Не знаю, дни коротать какъ! Слабоуміемъ объять и лицемѣриемъ, и лжею покрыть есмь; братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣлать; во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю, и, мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянной, — прямое говно! отсюду воняю, — душою и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить с собаками да со свиніями в конурахъ: такъ же и онѣ воняють, что и моя душа, злосмердною воней. Да свиньи и псы по естеству; а я от грѣховъ воняю, яко песь мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, алая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и в темницу-ту ко мнѣ бѣшаной зашелъ, Кирилушко, московской стрелець, караульщикъ мой. Остригъ ево азъ и вымылъ, и платье переменилъ, — зѣло вшей было много. Замъкнуты мы с нимъ двое жили, а третей с нами Христось и Пречистая Богородица. Онъ, миленькой, бывало сереть и сесть под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просить, а безъ благословенія взять не смѣеть. У правила стоять не захочеть, — дьяволъ сонъ ему наводитъ: и я постегая чотками, такъ и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило склончаю, онъ и пакы бѣсноватися станеть. При мнѣ бѣснуется и шалуетъ, а егда к старцу пойду посидѣть въ ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать, и благословлю ево, и, докамѣсть у старца сижу, лежить, не встанеть, Богомъ привязанъ, — лежа беснуется. А в головахъ у него образы и книги, хлѣбъ, и квасъ и прочая, а ничево без меня не тронеть. Какъ приду, такъ встанеть, и дьяволъ, мнѣ досаждая, блудить заставляеть. Я закричу, такъ и сядеть. Егда страпаю, в то время есть просить и украсть тщится до времени обѣда; егда предъ обѣдомъ Отче нашъ проговорю и благословлю, такъ тово брашна и не есть, — просить неблагословеннова. И я ему силою в ротъ напехаю: и онъ и плачетъ, и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, тогда бѣсъ в немъ вздвигнется, а самъ из него говоритъ: «ты же де меня ослабилъ!» И я, плакавъсь пред Владыкою, опять постомъ стягну и окрочу ево Христомъ. Также масломъ ево освятилъ, и отрадило ему от бѣса. Жилъ со мною с мѣсяць и болши. Передъ смертію обра-

зумился. Я исповѣдалъ ево и причастилъ: онъ же и преставился, миленькой, скоро. И я, гробъ куня и саванъ, велѣлъ погребѣсти у церкви; попомъ сорокоустъ далъ. Лежалъ у меня мертвый сутки: и я ночью, вставъ, помоли Бога, благословя ево мертвова, и с нимъ поцеловався, опять подле его спать лягу. Товарищъ мой, миленькой, былъ! Слава Богу о семь! Нынѣ онъ, а завтра я также умру.

Да у меня жъ былъ, на Москвѣ бѣшаной, — Филипомъ звали, — какъ я ис Сибири выехалъ. В ызбѣ в углу прикованъ былъ к стѣнѣ, понеже в немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ гораздо, бился и дрался, и не могли с нимъ домочадцы ладить. Егда жъ азъ грѣшныи со крестомъ и с водою прииду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ, и ничево не смѣеть надо мною дѣлать. И молитвами святыхъ отецъ сила Божія отгнала от него бѣса; но только умъ еще несовершенъ былъ. Феодоръ былъ над нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради Христовы отступники удавили, — Псалтырь над Филипомъ говорилъ и училъ ево Иисусовой молитвѣ. А я самъ во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи дѣйствовалъ надъ Филипомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже в дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣре и о законѣ; а в моемъ дому в то время учинилося нестройство: протопопца моя со вдовою домочадицею Фетиньею межъ собою побранились — дьяволъ ссорилъ ихъ за што. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо, от печали: согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Также бѣсъ вадивлялъ въ Филипѣ, и началъ чень ломать, бѣсаясь, и кричать неудобно. На всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ же безъ исправленія приступилъ к нему, хотя ево укротити; но не бысть попрежнему. Ухватилъ меня, и учалъ бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзаетъ, а самъ говорить: «попалъ ты мнѣ в руки!» Я токмо молитву говорю; да безъ дѣлъ не ползуетъ и молитва. Домашніе не могутъ отнять; а я и самъ ему отдался. Вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьеть. Но, — чуденъ Господь! — бьеть, а ничто не болитъ. Потомъ бросилъ меня от себя, а самъ говорить: «не боюсь я тебя!» Полежалъ маленько, с совестію и собрался. Вставше, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощатца со слезами, а самъ ей, в землю кланяясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна, — прости мя грѣшнаго!» Она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фетиньею тѣмъ же образомъ простился. Также легъ среди горницы и велѣлъ всякому челоувѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ: челоувѣкъ было з дватцеть, — и жена и дѣти, всѣ, плачючи, стегали. А я

говору: аще кто бить меня не стапеть, да не имать со мною части во царствїи небеснемъ!» И онѣ, нехотя, бьютъ и плачють; а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда жъ всѣ отбили, и я, воставше, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминуемую, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа. И я крестомъ ево благословилъ, и онъ постарому хорошъ сталъ. И потомъ исцѣлѣлъ Божією благодатією о Христѣ Ісусѣ, Господѣ нашемъ, Ему жъ слава.

А егда я былъ в Сибири, — туды еще ехалъ, — и жилъ в Тоболскѣ, привели ко мнѣ бѣшанова, Θεодоромъ звали. Жестокъ же былъ бѣсъ в немъ. Соблудилъ в великъ день з женою своею, наругая праздникъ, — жена ево сказывала, — да и взбѣсился. И я, в дому своемъ держа мѣсяца з два, стужалъ об немъ Божеству, в црековъ водилъ и масломъ освятилъ, — и помиловалъ Богъ: здравъ бысть и умъ исцѣлѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть в литоргію: во время переноса и досадилъ мнѣ. Азъ в то время побивъ ево на крылосѣ, и в притворѣ велѣлъ пономарю приковать к стѣне. И онъ, выпатавъ пробой, пуши и цервова вбѣсясь, в обѣдню ушелъ на дворъ к большому воеводѣ, и сундуки разломавъ, платѣ княгинино на себя вздѣлъ, а ихъ розгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; онъ же в тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ. Князь же велѣлъ ево в деревню к женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя в деревняхъ, великіе пакости творилъ. Всякъ бѣгаетъ от него. А мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. Посемъ пришла грамота с Москвы, — велено меня сослать ис Тоболска на Лѣну, великую реку. И егда в Петровъ день собралъсь в дощеникъ, пришелъ ко мнѣ Θεодоръ целоумень, на дощенике при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ мя. По пустыни-де я бѣжалъ третьева дни, а ты-де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ: и бѣси-де прочь отбѣжали от меня, и я пришелъ к тебѣ поклонитца, и паки прошу благословенія от тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовалъ о величїи Божїи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ Господь, — ево исцелилъ, а меня возвеселилъ! И поуча ево, благословя, отпустилъ к женѣ ево и дѣтямъ в домъ. А самъ поплылъ в ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божїи-свѣта, да сохранить его и впредь от неприязни. А назадъ я едучи, спрашивалъ про него; и мнѣ сказали: «преставился-де, послѣ тебя годы с три живучи христіански з женою и дѣтми». Ино добро. Слава Богу о семъ!

Простите меня, старецъ с рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы мя понудите сіе говорить. А однако ужъ розвякался, — еще вамъ повесть скажу. Какъ в полахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня в дому моемъ вдова молодая, — давно ужъ, и имя ей забылъ! помнится, Офимью звали, — ходить и стряпаеть, и все хорошо дѣлаетъ. Какъ станемъ в вечеръ начинать правило, такъ ея бѣсъ ударить о землю, омертвѣеть вся, яко камень станеть, и не дышитъ, кажется, — ростанеть ея среди горницы, и руки, и ноги, — лежитъ яко мертва. И я, О в с е п ѣ т у ю проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову, и молитвы Василиевы в то время говорю: такъ голова подъ крестомъ и свободна станеть, баба и заговорить; а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ: такъ и рука свободна станеть; я — и по другой: и другая также освободится; я — и по животу: такъ баба и сядеть. Ноги еще каменны. Не смѣю туда крестомъ гладить, — думаю, думаю, — и ноги поглажу: баба и вся свободна станеть. Вставше, Богу помолясь, да и мнѣ челомъ. Покуда таки — ни бѣсъ, ни што былъ в ней, много времени такъ в ней игралъ. Масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отошелъ прочь: исцѣлила, даъ Богъ. Да иное два Василія у меня бѣшныя бывали прикованы, — странно и говорить про нихъ: калъ свой ели.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повесть? Блазновато, кажется, — да было такъ. Въ Тоболске была у меня дѣвица, Анною звали, дочь моя духовная, гораздо о правилѣ прилежала о церковномъ и о келейномъ, и вся міра сего красоту вознебрегла. Позавиде дьяволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же выросла, привезена ис полону ис кумыковъ. Чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, дьяволъ окралъ: захотѣла от меня отйти и за первова хозяина замужъ пойти, и плакать стала всегда. Господь же пусталъ на нея бѣса, смиряя ея: понеже и меня не стала слушать ни в чемъ, и о поклонехъ не стала радѣть. Егда станемъ правило говорить, она на мѣсте станеть, прижавъ руки, да такъ и простонть. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нея: в правилѣ стоящу ей, да и вбѣсится. И мнѣ бѣдному жалъ: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ и отступилъ от нея бѣсъ. И многжды такъ бысть. Она же единаче в безуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же Богъ инако ея наказалъ: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи, не пробудясь, спала. Я лишю ея по времяномъ кажу спящую: тогда-сегдадохнетъ. Чаю, умереть. И в четвертый день очхнулась; сѣла, да пла-

четъ; естъ ей дають: не естъ. Егда я правило канопѣное скончавъ и домочадцовъ, благословя, распустилъ, паки начяхъ во тмѣ без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мнѣ, и пала на ноги мои; и я, от нея отшедъ, сѣлъ за столомъ. И она, приступя паки къ столу и плачючи, говорить: «послушай, государь, велено тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ. И на лѣвой странѣ слышала плачь, и рыданіе, и гласы умилены. Потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто, зѣло гораздо красно, и показали-де многіе красныя жилища и полаты; и всѣхъ-де крале полата неизреченною красотою сіяеть паче всѣхъ, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея: ано-де стоять столы, и на нихъ послано бѣло, и блюда з брашнами стоять. По конецъ-де стола древо кудряво повѣваетъ и красотами разными украшено; в дереве-де томъ птичьи гласы слышала я, а топерева-де не могу про нихъ сказать, каковы умилны и хороши! И подержавъ-де меня, паки ис полаты повели, а сами говорятъ: знаешь ли, чья полата сія? И азъ-де отвѣщала: не знаю; пустите меня в нея. Онѣ же отвѣщали: отца твоего, протопопа Аввакума, полата сія. Слушай ево и живи такъ, какъ онѣ тебѣ наказываетъ перьсты слагать и креститца, и кланятца, Богу молясь, и во всемъ не протився ему: такъ и ты будешь с нимъ здѣсь. А буде не станешь слушать, такъ будешь в давешнемъ мѣстѣ, гдѣ плакаціе-то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не бѣси водили тебя; смотри: у насъ папарты; бѣси-де не имѣють тово. И я-де, батюшко, смотрела, — бѣло у ушей тѣхъ ихъ». Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося. Потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали ис Тоболска, и я оставилъ у сына духовнаго тутъ. Хотѣла постричься, а дьяволь опять здѣлать по своему: пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила. И по осми лѣтехъ услышала, что я еду назадъ: опросилася у мужа и постриглася. А какъ замужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, — бѣсъ мучилъ ея. Егда жъ азъ в Тоболскъ приехалъ, за мѣсяць до меня постриглася, и принесла ко мнѣ два дѣтища и, положи предо мною робятинюкъ, плакала и рыдала, кающася, безстыдно порицая себя. Азъ же, предъ челоуѣки смиряя ея, многожды на нея кричалъ; она же прощася в преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми. И егда гораздо ея утрудилъ, тогда совершенно простилъ. В обѣдню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бѣсъ во время переноса, — учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Азъ же зжалихся об ней: покиня херувимскую пѣсть, взявше от

престола крестъ, и на крыло съ взошедъ, закричалъ: «запрещаю ти именемъ Господнимъ; полно, бѣсъ, мучить ея! Богъ проститъ ея в сѣи вѣкъ и в будущій!» Бѣсъ же изыде из нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нозе вино. Азъ же крестомъ благослова, и с тѣхъ мѣсть простилъ, и бысть здрава душою и тѣломъ. Со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, в томъ году страдала з дѣтми моими от Павла митрополита на патриархове дворѣ вѣры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцехъ Агафья.

А какъ я былъ на Мезени, отче Елифаній, при воеводѣ Алексѣе Цехановицкомъ, — панъ былъ вѣрою римскаго костела; выѣхавъ, на Москвѣ крестился, да втайнѣ держалъ римскую вѣру. Жена у него была, Евдокією звали, вправду она держала нашу вѣру. И послѣ родиль разнемоглася гораздо. А се и бѣси напали на нея, Богу попускающу, и зѣло жестоко мучить стали ея. Мало нѣчто образумясь, захотѣла мнѣ исповѣдаться. Егда же азъ пришелъ, а бѣси и наки учили мучить крѣпко и жестоко ея. Азъ же, грѣшный, за болящую молебень итѣлъ, и воду святить и кропиль ю; и бѣси отступиша от нея. С ревностію великою и со слезами исповѣдалася мнѣ. Грамотѣ умѣла, панья разумная была, проклінала зѣло усердно римскую вѣру. Мужа, браня говорить: «все для него, батюшко, наказуетъ меня Богъ: втайнѣ держитъ римскую вѣру, а Богу она зѣло досадна и мерзeka; слава Христу, что меня избавилъ от нея! Показа мнѣ, батюшко, пекль и свѣтлыя мѣста: всѣ-де римскіе вѣры люди осуждаются въ пекль, еже есть — во огонь; а руская вѣра яко солнце сіяеть отъ всѣхъ вѣрѣ, и всѣ христіане во свѣтъ грядуть, я видѣла сама. Да и у васъ за грѣхъ въ вѣрѣ раздѣленіе бысть. Худы-де затѣи новыя и мрачны зѣло: умри ты, за что стоишь, и меня научи, какъ умереть. Видѣла я сама, каково будетъ тебе: перебрелъ ты уже запинанія бѣсовскія вся. Охъ, охъ, не покинь меня, пастырю добрый мой, и молись о мнѣ, да не отлучишь тебѣ! А мнѣ уже самой исправитися нѣколи стало: сказали мнѣ, — нынѣ или завтра умереть. Причисти меня причастиемъ запаснымъ своимъ, Бога ради! А крещуся я, слагая персты потвоему; а три персты отmeshу и ненавижу: злѣ такъ наши римляне крестятся. Да будутъ прокляты отъ вселенскихъ соборовъ за сіе мудрованіе! И мужъ мой с ними же проклять. Я видѣла сама, что имъ уготовано у Христа. Помилуй же ты меня, отченко мой, не покинь меня в молитвахъ своихъ! А я, ей-ей, твоя овца; тутъ же желаю быть, идѣже будешь ты. Помилуй, батенко, помилуй квѣтенка мой, сирѣчь миленкой мой. Дѣль моихъ нѣтъ;

только вѣрую ушоваю быти при тебѣ, какъ вѣрую и держу, и умираю с тѣмъ, какъ проповѣдуешь и страждешь за что. Иного Бога не вѣмъ, но только Того, Его же любишь ты и Его ради мучился. Усвой душу мою при своей душе! Служаешь тебя Богъ и любить тебя, — невозможно мнѣ говорить про то; одно говорю: не забудь ты меня! А моя душа скоро разлучается от тѣлеси: вся вѣка сего не вѣмъ ни во что при тамошнемъ нѣчесомъ маленькимъ, еже видѣла». Да и много, старецъ, она говорила, — я ужъ и не помню иное. Мнѣ и самому стало соромъ себя, — не по дѣламъ моимъ величала меня. Да такъ и учинилось: в другой день и умерла. Послѣ моленія тово встала и сѣла на постѣль, и ухватила меня, къ себѣ, плачючи прижимала. А сама паки тоже говорить и плачется мнѣ. Я ея положилъ: гораздо трудна, трясется вся. И она, лежа, перстомъ указываетъ: «отченько мой, вотъ черти пришли, стужаютъ мнѣ, взять меня хотятъ; помолись, да отступать от меня!» И я взялъ кадило и крестъ, благословилъ, и мѣсто все водою покрошилъ; такъ перекрестилась и молвила: «отступили, отченько; но стужаютъ мнѣ и просить души моей; и я не могла отбыть --- отдала имъ душу свою, сямъ крючкомъ выгаша». Я, старецъ, посмотрю в руки у нея — ако булабочька, крючикъ малехонекъ! И я отнял у нея, да зашумѣлъ на служанокъ, нашто ей булавку дали. И онѣ все божатся: никакъ-де не давали! Ано ей бѣси дали булавку-ту! Видишь ли, какъ онѣ прилѣжатъ о душахъ тѣхъ? Силою отнимають! Горе, горе! Какъ уйдешь у нихъ, аще не Господь поможетъ! Потому я отбрелъ в домъ свой; а безъ меня пан-отъ, мужъ ея, силою наполнилъ варенымъ пивомъ с кореніемъ и съ бѣдою, --- намѣшено дьяволшины. Такъ ея бѣси опять стали мучить Мнѣ сказали. Я прибѣжалъ; стать бранить пана тово. Онъ мнѣ сталъ противится. И я, осердясь, со всемъ домою своимъ сошелъ, и протопопцу взялъ. А ея бѣси мучать; зѣло голка велика бысть. Пришелъ я домой: печально мнѣ и жалъ. Опять панъ шлетъ ко мнѣ; прощенія просить. Я и опять к ней пришелъ, — и она в кровь избилася вся, а сама кричить: «для мужа бѣси мучать меня! нѣсть онъ мнѣ мужъ безвѣрія ради своего!» Такъ онъ болную ея в щоку ударилъ. А она также кричить. Соромъ ему стало. А я ево выславъ из избы и молебень отиѣлъ; помазалъ ея масломъ и водою покропилъ: бѣси паки отступилися от нея, цѣлоумна паки стала, римскую вѣру проклипаетъ и, персты слагая, крестится истинно. Я ея паки причастилъ и, благодаря Христа, чинно и тихо преставилася. Я и погребенію предаль ея в малой слободкѣ — не у церкви, на берегу погребъ: сама изволила мѣсто то, какъ жива была. Видишь-ли? о сложениі пер-

страхъ и мертвая свидѣтельствуесть, яко зло треперстная ересь. *)
(Вторая редакция).

*) О сложеніи персть. Всякому убо правовѣрну подобаесть крѣшко персты в руцѣ слагая держати и креститися, а не дряхлюю рукою знаменатися с нерадѣніемъ и бѣсовъ тѣшити, но, подобаесть на главу и на брюхо, и на плеча класть рука с молитвою; еже бы тѣло слышало, и умомъ внимаю о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ в руке персты образуютъ. Сице разумѣи, по преданію святыхъ отецъ, подобаесть сложити три перста: великій и мизинецъ, и третій подлѣ мизиннаго, всѣхъ трехъ концы вкуплѣ, — се являетъ трипостасное Божество Отца и Сына и Святаго Духа; также указательный и великосредній — два сія сложити и единъ от двухъ великосредній мало наклонити; се являетъ Христово смотреніе Божества и человѣчества; также вознести на главу — являетъ умъ нерожденный: Отецъ роди Сына превѣчнаго Бога прежде вѣкъ вѣчныхъ; также на нозѣ положить — являетъ воплощеніе Христа Сына Божія от святыи Богоотроковицы Маріи; также вознести на правое плечо — являетъ Христово Вознесеніе и одесную Отца сѣдѣице и праведныхъ стояніе; также на лѣвое плечо положить — являетъ грѣшныхъ от праведныхъ отлученіе и в муки прогнаніе, и вѣчное осужденіе. Тако научиша насъ персты слагати святіи отцы: Мелетій, архіепископъ антиохійскій, и Феодоритъ блаженный, епископъ киринейскій, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ и в Кириловѣ, и О вѣрѣ в книгѣ, и в Максимовѣ книгѣ, и Петра Дамаскина в книгѣ, и в житіе Мелетіевѣ; вездѣ едишако святіи о тайнѣ сей по вышереченному толкують. И ты, правовѣрнѣ, назидаю себя страхомъ Господнимъ, прекрестися и падъ, поклонися главою в землю — се являетъ Адамово паденіе; егда же восклониши — се являетъ Христовымъ смотреніемъ всѣхъ насъ восстаніе. Гагаголи молитву, сокрушая свое сердце: Господи Іеусе Христе, Сыне Божій, помилуй ми грѣшнаго. Также твори по уставу и метаніе на колѣну, какъ церковь прежде держала: опирайся руками и колѣньми, а главу до земли не доводи, — такъ Никоуъ, Черныя Горы игумень, повелѣваетъ в своей книгѣ творити метаніа; всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаесть без лѣности и без гордыни во церкви и в дому, и на всякомъ мѣстѣ; изряднѣ, еже в великій постъ томить плоть своя по уставу, да не воюетъ на духъ; в праздници же и в суботы, и в недѣли просто молимся стояще, поклоуи по уставу творимъ поясные и в церкви, и в келье, изравняюще главу противъ пояса, понеже праздника ради не томимъ плоти метаніемъ, а главу наклоняемъ в поясъ без лѣности и без гордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть уснокоеніа день, в оны же Господь почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля — всѣхъ насъ восстаніе Воскресенія ради. Тако же и праздници, радостно и духовно веселишися, торжествуемъ. Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ тѣхъ положено развонно и спасительно, и покойно, некакъ у нынѣшнихъ антихристово духа: и в великой постъ метанія на колѣну класть окаянныи не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ? Развѣ умершии станутъ кланятца прилѣжно! Да мертвые уже на ногахъ не стоять и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго восстанія и противу дѣла воздаяніа; а мы видяте равны уже онѣ мертвецамъ тѣмъ, апс и живи суть, но исполуивши, но дѣла мертвечию творятъ — срамно и глаголати о нихъ. Онѣ же бѣдные мудрствуютъ трема персты преститя — большой и указательный и великосредній, слагая в троицу, а не вѣдомо в какую, болю в ту, что во Апокалипсисѣ пишеть Иванъ Богословъ

— змій, звѣрь, лживый пророкъ. Толкованіе: змій — глаголется дьяволъ, а лживый пророкъ — учитель ложный, папа или патриархъ; а звѣрь — царь лукавый, любий лъсть и неправду. Ся три перста предать Фармосъ, папа римскій, благословляяъ и крестился ими, и по немъ бывшій Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругалъ ево, персть отсѣкше бросилъ на землю, и разступилася земля и пожре персть; также отсѣише, другій бросилъ, и бысть пропасть велика; потомъ и третій отсѣкши бросилъ, изыде изъ земли смрадъ лють и начаша люди отъ срада издыхати. Стефанъ же велѣлъ и тѣло Фармосово в Тиверь рѣку кинути и, сложя персты своя по преданію, благословилъ промасть, и снидеша земля по прежнему паки — о семь писано в лѣтописце латынскомъ. О вѣрѣ книги указуетъ, лѣтописецъ которой. Но аще ревнитель Стефанъ и обличалъ сію триперстную ересь, а однако римляне и донынѣ трема персты крестятся потомъ и Польшу прельстили, и вси окрестныя рѣши — немецъ, и серби, и албасы, и волохи, и греки вси оболстжились, а нынѣ и наша Русь ту же три перста волюбилъ — преданіе Никола отступника со дьяволомъ и с Фармосомъ. Еще же и новой адовъ песь выскочить изъ бездны в гресахъ Дамаскинъ иподьякопъ безимянникъ, и предать безумнымъ грекамъ тѣ же три перста, толкуеть за Троицу, отсѣкая вочеловѣченіе Христова. Чему быть? Выблядокъ того же римскаго костела, братъ Николу патриарху! Да тамъ же в гресахъ какой-то, сказывають, протопопъ Малакса архіерсомъ, іереомъ благословить рукою повелѣваетъ, нѣкакъ странно сложя персты — Іеусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ! Чему быть? Время то пришао, — нѣкъмъ имъ играть, аке не Богомъ. Да что на нихъ и сердитоватъ! Писаное время пришло. Ипполитъ свѣтлый и Геремъ Сиринъ издаlechа уразумѣвъ о семь времени, написали сие: и дасть имъ свѣрный печатъ свою за зпаменеіе Спасителяево; се о трехъ перстахъ реченно — егда самъ себя волею своєю печатаеть трема персты, таковаго умъ теменъ бываетъ и не разумѣваетъ правая, всегда помраченъ печатъ ради сея свѣрныя. Еще и другое писаніе: и возложитъ имъ свѣрный и мерскій образъ на чело — се писано о архіерейскомъ благословеніи, еже Малакса предать; отъ разумѣющихъ толкуется: идолъ в рукѣ слагая, на чело возлагають, еже есть мерскій образъ. Да будутъ онѣ прокляты со своимъ мудрованіемъ развращеннымъ тотъ — такъ, другой — птакъ, сами в себѣ несогласны враги креста Христова. Мы же держимъ свѣтыхъ отецъ преданіе — Мелетія и прочихъ неизмѣнно, — яко же знаменусемъ пятью персты, тако же и благословляемъ пятью персты во Христа и во Святую Троицу, слагая по вышереченному, какъ свѣтїи предаша; и при царѣ Иванѣ бывшій в Москвѣ помѣстный соборъ такъ же персты повелѣвають слагати, яко же Феодоритъ и Мелетій, и Петръ, и Максимъ Грекъ научиша пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ была знаменосцы Гурій и Варсонофій, и Филиппъ — русскія чудотворцы, и ты, правовѣрнѣ, безъ сомнѣнія, держи преданія свѣтыхъ отецъ, Богъ тебя благословить, умри за сіе и я с тобою же долженъ. Станемъ добрѣ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава о семь Христу Сыну Божию со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. (Третья редакция).

Ко млѣ же, отче, въ домъ принашивали матери детокъ своихъ маленкихъ, скорбію одержимыхъ грыжною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грыжною болѣзнію, и я масломъ священнымъ, с молитвою презвитерскою, помажу вся чювьства и, на руку масла подо-

жа, младенцу спину вытру и шулятка — и, Божією благодатію, грязная болѣзнь и минуется во младенце. И аще у кого отгрызеть скорбь, и я такъ же сотворю: и Богъ совершенно исцеляеть по своему чело-вѣколюбію.

А егда еще я былъ попомъ, с первыхъ временъ, какъ к подвигу касатися сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо и приехала к ней отецъ духовной; азъ же из двора пошелъ по книгу в церковь пощи глубоко, по чему исповѣдать ея. И егда на паперть пришелъ, столікъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ столікъ на мѣсте своемъ. И я, не утрашась, помолясь предъ образомъ, обѣнилъ рукою столікъ и, пришедъ, поставилъ ево, и пересталъ играть. И егда в трапезу вошелъ, тутъ пная бѣсовская игра: мертвецъ на лавке в трапезе во гробу стоялъ, и бесовскимъ дѣйствомъ верхняя раскрылася доска, и саванъ шевелитца сталъ, утрашая меня. Азъ же, Богу помолясь, обѣнилъ рукою мертвеца, и бысть попрежнему все. Егда жъ в олтарь вошелъ, ано ризы и стихари летаютъ с мѣста на мѣсто, утрашая меня. Азъ же, помоляся и поцеловавъ престоль, рукою ризы благословилъ, и пощупалъ приступая: а онѣ постарому висятъ. Потомъ, книгу взявъ, из церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское к нам! Да полно тово говорить. Чего крестная сила и священное масло надъ бѣшаными и болными не творить Божією благодатію! Да намъ надобе помнить сіе: не нас ради, ни намъ, но имени Своему славу Господь даетъ. А я, грязь, что могу здѣлать, аще не Христось? Плакать мнѣ подобаетъ о себѣ. Юда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко дьяволу попалъ. И самъ дьяволъ на себе былъ, да высокоумія ради свержень бысть. Адамъ былъ в раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть, и пять тысящъ пять сотъ лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. Посемъ разумѣя всякъ, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падеть. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всемъ святымъ, такъ будетъ хорошо. *)

*) Еще скажу вамъ о жертвѣ никоніанской: сѣдящу ми в темнице, принесоша ми просвиру выпяную со крестомъ Христовымъ. Азъ же облазился, взявъ ея и хотѣлъ потребить на утро, чайлъ — чистая привославная над нею была служба, понеже пощъ старопоставленной служить над нею, а до того онъ пощъ по повымъ служилъ книгамъ и паки сталъ служить по старому, не покався о своей блуднѣ. Положи я просвиру в углу на мѣстѣ, и надилъ в правило в вечеръ; егда же возлегу в пощъ ту и умолюша уста моя от молитвы, прискоциша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и едикъ шербатъ чермень взявъ меня за голову и говорить: «семь-ко-ты сюды, попалъ ты в мои руки!» и завернулъ мою голову. Азъ, же, томляся, еле-еле казнаменовалъ

Исусову молитву, и отскочиша и исчезоша бѣси; азъ же, стоиши и охая, недоумѣюся: за что меня бѣсъ мучилъ? Помоля Бога, опять повалился; егда же забыхся, вижу на гѣбкомѣ мѣстѣ церковь и образъ Спасовъ, и крестъ полатынъ написанъ, и латынники инымъ образомъ, приклякивая, молятся полатынски. Мнѣ же гѣбко от предстоящихъ велѣлъ крестъ той поцеловати. Азъ же егда поцеловахъ, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиха; азъ же постѣ ихъ встацился, зѣло расслабленъ и разломанъ, не могу и сидѣть. Уразумѣлъ, яко просвиры ради от бѣсовъ обруганъ, выложили ея за окошко, и ночь ту и день препроводилъ в трудѣ и немощьствуя, разсуждая, что сотворю надъ просвирою. Егда же прииде ночь другая, по правилѣ возлегшу ми, и, не спя, молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ в кѣлью мою з доврами и з гутками, и одинъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала, и начаша играти в гутки и в домы. — а я у нихъ слухаю, лежа; меня ужъ не тронули и исчезоша. Азъ, послѣ ихъ вставъ, моля Бога со слезами, обѣщался жене просвиры ту, и прииде на мя благодать Духа Святаго, яко искры во очю мою блещахуся огни невещественнаго, и самъ я в той часъ оздравѣлъ, благодатию духовною, — сердце мое наполнилося радости. Затоша печь и жижеша просвиру, выкинули и пепель за окошко, рекохъ: «вотъ, бѣсъ, твоя от твоихъ тебѣ в глаза бросаю». И на ину ночь единъ бѣсъ в хижу мою вошелъ, походи и ничево не обрѣте, токмо чотки из рукъ моихъ выпещъ, и исчезе. Азъ же, поднявъ, чотки, паки началъ молитвы говорити. И во ино время, среди дня на полу в поддымень лежа, онечалихся креста ради, что на просвири жижеть, и от печали запѣлъ стихъ на гласъ третій: и печаль мою предъ Нимъ возвѣщу; а бѣсъ в то время на мени вскричалъ зѣло жестоко болно, азъ же ужаси и паки начахъ молитвы говорити. Таже во ину ночь забытемъ ума о крестѣ томъ паки нечалихся и уснухъ, и нападоша на мя бѣси, и паки умучина мя, яко и прежде; азъ же расслабленъ и изломанъ, насилу живъ, с доски сваялся на полъ, моля Бога и каюся о своемъ безуми, проклялъ отступника Никона с никошяны и книжи ихъ еретическя, и жертву ихъ, и всю службу ихъ, и благодать Божія паки прииде на мя и здравъ бысть. Видѣъ, человѣче, каково лѣпно бѣсовское дѣйство христіаномъ! А егда бы съель просвиру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго ихъ никонянскаго священія такова бѣда, а от большаго агньца причастия, что получишь? — развѣ вѣчную муку. Лучше умереть, не причастия, нежели, причастия, осуждену бити.

(Третья редакция)

Еще тебѣ скажу, старецъ, повѣсть: какъ я былъ в Даурахъ с Пашковымъ с Афонасіемъ на озерѣ Ир҃генѣ — гладны гораздо, а рыбы никто добыть не можетъ, а ипова и ничево пѣтъ; от глада исчезаемъ. Помоляся Бога, взявъ двѣ сѣти, в протоѣ перекидалъ, на утро пришелъ, ано мнѣ Богъ далъ шесть язей да двѣ шуки: ино во всѣхъ людяхъ дивно, потому никто ничево не можетъ добыть. На другіе сутки рыбъ з десять мнѣ Богъ далъ. Тутъ же свѣдавъ Пашковъ и исполняся зависти, збилъ меня с тово мѣста и свои ловушки на томъ мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ, на смѣхъ и ругаясь, указалъ мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродятъ. Человѣку воды по лодышку, — какая рыба? и лягушекъ нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се, подумавъ, рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу, —

Ты вся промысломъ Своимъ, Спасе нашъ, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя Твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ». И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти, на меня, бѣдные, кручиняся, говорятъ: «батюшко, к чему гноить сѣти-те? видишь-ли: и воды нѣту, какой быть рыбе?» Азъ же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповаю, здѣлалъ такъ, какъ захогѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онѣ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти? какая в сѣтяхъ рыба? Благослови насъ, и мы по дрова лутче збродимъ». Меня же духъ подвизаетъ, чаю в сѣтяхъ рыбу. Огорчась на болшова сына Ивана, послалъ сво одново по дрова, а с меншимъ потащился к сѣтямъ самъ. Гораздо о томъ Христу докучаю. Егда пришли, ино и чудно, и радостно обрѣли: полны сѣти напехалъ Богъ рыбы, свинися клубомъ, и лежать с рыбою о середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «батюшко государь, рыба, рыба!» И азъ ему отвѣщаль: «постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдемъ в воду». И, помоляся, вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и паки построили сѣти на томъ же мѣстѣ, рыбу на силу домой оттащили. На утро пришли опять, столко же рыбы; и слезно и чудно то было время, а на иже-немъ нашемъ мѣстѣ ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Онь же, исполняя зависти, паки послалъ ночью и велѣлъ сѣти в клочки изорвали. Что петь з дуракомъ дѣлаешь! Мы, собравъ рваные сѣти, починя втай, на иномъ мѣстѣ промысляя рыбку, кормились, от него таяся, и здѣлали езь. Богъ же и тамъ сталъ рыбы давать, а дьяволъ сво научилъ и езь велѣлъ втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца.

Слушай-ко, старецъ: еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣтямъ по рыбу, — от двора вереть с пятнатцеть, тамъ с людьми промышляли, — в то время какъ ледъ трѣснулъ и меня напоилъ Богъ, и у дѣтей накладше рыбы нарту большую, и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ послѣ Рождества Христова и, егда буду пасреди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже сиѣту тамъ не бываетъ, токмо морозы велики; ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла, выбился из силы, вспотѣлъ и ноги не служатъ. Вереть с восемь до двора: рыба покинуть и такъ побрести — ино лисицы розѣдятъ, и домашніе гладны; все стало горе, а тащить не могу; потоца гоны мѣста, ноги задро-

жать, да и паду в лямке среди пути ниць лицемъ, что пьяной; и озябше, вставъ, еще попойду столько жъ, и паки упаду; бился такъ много, блиско полуночи; скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную бѣлую шубу и взлѣзъ на вершину древа — уснулъ, повалился. Пробудился, — ино все замерзло: и бездуки на ногахъ замерзли, шубенко тонко, и животь озябъ весь; увь, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня, угасаетъ и яко неплодное древо посѣваемо бываетъ, — толко смерть пришла. Взираю на небо и на сіяющія звѣзды, тамо помышляю Влодыку, а самъ и перекреститься не смогу, весь замерзъ; помышляю лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не Ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавишь, нѣчева мнѣ стало дѣлать; яко червь исчезаю». А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню какъ, взложилъ лямку, опять потащилъ; ино нѣтъ силки; еще версты с четырьѣ до двора, — покицулъ, и нехотя, все; побрель одинъ, тащился с версту, да и повалился: толко не смогу; полежавъ, еще хочу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нѣтъ, баздуковъ отрѣзать от ноги нѣчемъ; на колѣняхъ и на рукахъ ползъ с версту; колѣни озябли: не могу владѣть, опять слегъ; уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть, на гузнѣ по малельку ползу, — кое-какъ и доползъ до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу, а отворить дверей не могу же. Ко утру уже встали; уразумѣвъ, протопопица втащила меня быгто мертвова в ызбу; жажда мнѣ велика, — наполнила меня водою, разболочила. Два ей горя, бѣдной, в ызбѣ стало: я, да корова немощная, — толко у насъ и животовъ было, — упала на водѣ под ледъ; изломався, умираетъ, в ызбѣ лежа; в дватцети в пяти рубляхъ сія намъ пришла корова, робяткамъ молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескѣ прислала, и Пашковъ на церковной обиходъ взявъ, мнѣ в то число коровку ту было далъ: кормила с робяты годъ-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешъ, такъ лехче на брюхѣ. Плакавъ, жена бѣдная, с робяты, зарѣзала корову и истекшу кровь ис коровы дала найму казаку и онъ приволокъ мою с рыбою нарту.

На обѣдѣ я, едше, грѣхъ ради моихъ, подавился: другая мнѣ смерть, с полчаса не дышалъ, наклонясь, прижавъ руки, сидя; а не кускомъ подавился, но крошечку рыбки положи в ротъ, — вздохнулъ, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человекъ в житіи семъ, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и по-

кинули; не вижу ужь и людей, и памяти не стало; зъло горко, горко в то время было; ей, горка смерть грѣшному человѣку! Дочь моя Агрешѣна, — была неведика, — плакавъ, на меня глядя, много, и никто ея не училъ, — ребенокъ, разбѣжався, локтишками своими ударила въ мою спину и крови печенье из горла рыгнуло, и дышать сталъ. Болшіе промышляли надо много много и без воли Божіи не могли ничево здѣлать, а приказалъ Богъ ребенку, и онъ, Богомъ подвизаемъ, пророка от смерти избавилъ! Гораздо не велика была, промышляетъ около меня, бытъ бо большая, яко древняя Іудифъ о Израили или яко Есвиръ о Мордохѣе, своемъ дядѣ, или Дебора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сіе, старецъ! Промысль Божій ребенка наставлялъ — пророка от смерти избавить! Дни с три у меня зеленъ горкая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался пред Богомъ совѣстію своею, что напоилъ меня среди озера водою. А то посмотри, Аввакумъ, и ребенка ты хуже! И дорогою было идучи исчезнуть, — не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворить во славу Свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя Свое пресвятое имя; Ему слава подобаетъ, Господу нашему Богу, а не тебѣ бедному худому человѣку. Господь: славы Своея иному не дамъ. Сіе реченно о лжехристахъ, нарицающихся Богомъ, и па жиды, не исповѣдающихъ Христа Сыномъ Божіимъ. А иждѣ писано: славящїи Мя прославлю. Сіе реченно о святыхъ Божіихъ, его же хоцетъ Богъ, того прославляеть. Вотъ смотри, безумне, не самъ себя величай, но от Бога ожидай, какъ Богъ хоцетъ, такъ и строить; а ты-су какой святой? Изъ моря напился, а крошкой подавился! Толко-бъ Божіимъ повелѣніемъ не ребенокъ от смерти избавилъ, и ты бы что червь: былъ, да и нѣтъ! А величается грязь худая: я-су бѣсовъ изгонялъ; то, се дѣлалъ; а себѣ не могъ помощи, толко бы не ребенокъ! Ну, помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворить, по милости Своей, Ему же слава. (*Третья редакція*).

Ну, старецъ, моево вѣканья много вѣть ты слышалъ: о имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса тово в рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьяте тебя если за тайно-еть удъ, и какъ бѣс-отъ дрова-те сожегъ, и какъ кѣдья-та обгорѣла, а в ней цело все, и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и Богородице. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я петь осержусь. Любилъ слушать

у меня: чево соромитца, — скажи хотя немношко! Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Ерусалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чюдеса во языцехъ с нима, в Дѣяніихъ, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя Господа Ісуса. Мнози же от вѣровавшихъ приходаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя. Да и много тово найдется во Апостолѣ и в Дѣяніихъ. Сказывай, небось, лишю совѣсть крѣпку держи; не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ, да помянетъ пред Богомъ насъ. А мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить; наши онѣ люди будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Г О Д Ы